
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ НКВД — НКГБ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ТЫЛА СТРАНЫ

Контрразведывательная работа территориальных органов госбезопасности

20 июля 1941 г. НКВД и НКГБ были слиты в единый Наркомат внутренних дел СССР. В связи с этим были объединены наркоматы национально-территориальных единиц, входившие в их структуру управления краев и областей, а также городские и районные отделы и отделения. В территориальных органах госбезопасности функционировали следующие оперативные отделы (отделения): контрразведывательные (КРО), экономические (ЭКО) и секретно-политические (СПО). Сами названия этих подразделений отражают основные направления их агентурно-оперативной деятельности. 14 апреля 1943 г. из состава НКВД СССР вновь был выделен самостоятельный Наркомат государственной безопасности СССР, а ЭКО и СПО упразднены и их функции частично переданы в контрразведывательные подразделения. Система территориальных органов государственной безопасности обрела прежнюю форму.

С началом войны на территориальные органы государственной безопасности были возложены задачи обеспечения безопасности тыла от разведывательной и диверсионной деятельности противника, по упреждению и пресечению паники, трусости и предательства, распространению дезинформации и дезорганизации и т. д. Роль тыла в войне существенно возросла даже по сравнению с Первой мировой войной, поэтому фашисты бросили на его подрыв большие силы.

Если в самом начале войны цели германской разведки были связаны лишь с реализацией плана «Барбаросса» и разведывательные устремления ограничивались театром боевых действий, то уже в июле — августе 1941 г. по мере краха плана молниеносной войны противник вынужден был корректировать деятельность своей разведки. Представление об изменениях в разведывательных устремлениях германских спецслужб к концу осени 1941 г. дает один из трофейных документов — вопросник германской разведки, захваченный в январе 1942 г. на Западном фронте¹. Согласно этому документу, главная задача германских спецслужб заключалась в том, чтобы определить мобилизационные возможности СССР, которыми он будет обладать к весенне-летней кампании 1942 г.

Бойцы истребительного батальона направляются на задание. 1941 г.

Девушки-пулеметчицы из истребительного батальона

Другой весьма информативный документ от 22 ноября 1941 г., отражающий разведывательные устремления противника в сфере военной экономики, — «Инструкция для получения сведений о военном хозяйстве не оккупированных районов России», предназначенная для военно-хозяйственного управления верховного командования сухопутных войск Германии. Работа по сбору данных о военно-экономическом потенциале СССР этой инструкцией была предельно конкретизирована, круг интересующих вопросов четко очерчен. В отношении промышленных предприятий ставилась задача собрать следующие сведения: название производства, марка продукции довоенного и военного времени; точное местоположение промышленного объекта; наличие примыкающих железнодорожных и/или водных путей и их схема; виды и количество выпускаемой продукции (ежемесячно или в год); проектная производственная мощность; количество и размещение рабочих, количество занятых в производстве женщин и род их занятий; секретные технологии, изобретения и производственные методы; сведения о мобилизационном развертывании производства военной продукции — время вступления в силу мобилизационного плана, какими средствами и с какими результатами было увеличено количество выпускаемой продукции; сроки частичного или полного перехода промышленности на производство военной продукции; конкретные трудности, возникшие при реализации мобилизационного плана; сведения о производственных связях промышленного объекта — источники и пути доставки сырья, полуфабрикатов или отдельных деталей, а также угля и электроэнергии; размер их запасов; качество технологического оборудования — соотношение современного и устаревшего оборудования, иностранного и отечественного станочного парка; сведения о заводах, выпускающих важнейшее технологическое оборудование, оценка качества оборудования на этих заводах по тем же критериям. Отдельный блок вопросов касался эвакуации производительных сил. Повышенное внимание германской разведкой уделялось нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Наряду с перечисленными ставились также задачи получения разведывательных сведений по следующим важнейшим экономическим регионам: Кавказ, бассейн Волги (Сталинград, Саратов, Энгельс, Куйбышев, Казань, Горький), Урал, Кузнецкий бассейн, Средняя Азия, район Владивостока, порт Архангельск.

С первых дней войны в руководящих документах НКВД — НКГБ СССР к важнейшим объектам устремлений вражеских спецслужб были отнесены предприятия машиностроения, металлургии и угольной промышленности. Наряду с ними значились предприятия по переработке нефти, районы ее добычи и места хранения нефтепродуктов, а также объекты транспорта, имевшие оборонно-стратегическое значение: аэродромы, мосты, порты, железнодорожные депо, путепроводы, водокачки и другие сооружения. Контрразведывательная защита экономического потенциала СССР от подрывной деятельности противника и действий враждебных элементов территориальными органами государственной безопасности строилась по принципу «от объекта»: необходимость и целесообразность оперативного обслуживания конкретного завода или предприятия определялась характером выпускаемой продукции и производственным потенциалом, а не базировалась на достоверных данных о конкретных устремлениях противника. Вследствие этого количество объектов оборонных отраслей промышленности, подлежащих оперативному обслуживанию органами госбезопасности, значительно выросло.

Пока наступление вермахта шло успешно, разведывательные устремления противника к военно-экономическому потенциалу СССР могли быть реализованы тщательным опросом пленных красноармейцев, призванных в армию непосредственно с объектов оборонных и иных отраслей народного хозяйства. Поражение под Москвой, отступление и переход к обороне заставили абвер начать с марта 1942 г. заброски в глубокий тыл СССР агентов, специально подготовленных для этого в разведывательных и диверсионных школах и на курсах, дополнительная сеть которых начала создаваться еще осенью 1941 г. Объектами первоочередных устремлений абвера стали следующие промышленные центры: Горький, Казань, Молотов, Нижний Тагил, Новосибирск, Саратов, Свердловск, Сталинград, Уральск, Челябинск и другие крупные города.

Агенты, которые обучались в разведывательно-диверсионных и диверсионных школах и на курсах, засылались в тыл советских войск с заданиями устраивать взрывы на железных дорогах, идущих к фронту, уничтожать военные и продовольственные склады, базы и другие стратегически важные объекты, а также совершать диверсии на крупных промышленных предприятиях. Однако диверсии на промышленных объектах для противника могли быть эффективными лишь при массовых масштабах, но развернуть такую широкую диверсионную деятельность, равно как саботаж и вредительство, опираясь на местное население, было нереально: безуспешные попытки германских спецслужб создать в СССР накануне войны так называемую «пятую колонну» показали свою несостоятельность. Благоприятных политических условий для этого не имелось.

Другой вариант достижения цели заключался в тщательной подготовке и заброске в глубокий тыл на длительное время огромного числа высоконадежных агентов-диверсантов. Если представить даже самые минимальные масштабы этой работы, то станет очевидно: данный путь требовал настолько значительных сил и средств, что также был нереален. Для реализации такого варианта подрывной деятельности у немцев не было главного — преданных агентов в достаточном количестве. Поражение под Москвой положило начало деморализации солдат и офицеров вермахта и не могло не отразиться на качественном составе и умонастроениях постоянного и переменного состава разведывательных и диверсионных школ и курсов абвера. Даже в августе 1942 г., одном из тяжелейших для СССР военных месяцев, в разведывательной школе, расположенной в местечке Летсе на территории Эстонии, были арестованы семь агентов-курсантов за высказывания против нацистов.

Несмотря на меры повышения надежности агентов абвера, их явка с повинной носила массовый характер и к апрелю 1943 г. составила 45,2%. Следует учесть также, что среди агентов противника было немало людей, которые опасались сдаваться на милость советских властей из-за страха высшей меры наказания: их вербовка немцами была закреплена выдачей коммунистов, советских активистов и партизан, отбором антисоветских деклараций, фотографированием в обществе германских офицеров и т. п. Многие из таких агентов, попав на советскую территорию, проходили этап легализации: используя сфабрикованные немцами документы, устраивались на работу, обзаводились семьями, однако никаких мер по выполнению заданий германской разведки не предпринимали и бесследно для своих хозяев растворялись среди населения.

Косвенным подтверждением сказанного является успешное сосредоточение крупных сил Красной армии под Сталинградом к середине ноября 1942 г., которое для германского командования оказалось неожиданным. Передвижение войск, боевой техники и материальное обеспечение будущего контрнаступления проходили по железным дорогам Сибири и от Урала до Волги, включая практически все промышленные регионы СССР. Несмотря на масштабность подготовительной работы, информация о ней к противнику не поступила. Несостоятельность германской разведки вынуждены были впоследствии признать даже ее руководители. Таким образом, благодаря установлению жесткого контрразведывательного режима и целенаправленной работе органов государственной безопасности, а также в силу общей военно-политической обстановки, сложившейся после поражения немцев под Москвой, разведывательная деятельность противника в глубоком советском тылу оказалась к ноябрю 1942 г. парализованной.

Накануне Курской битвы германское командование предприняло попытки усилить разведывательную работу именно на железнодорожных коммуникациях, обеспечивавших военные перевозки для нужд фронта. Однако и эти попытки были сорваны. Так, с 1 мая по 10 июня 1943 г. органами НКГБ были задержаны 77 агентов-парашютистов, сброшенных с вражеских самолетов в тыловых районах СССР: в состав 12 разведывательных групп входили 27 человек, в состав 10 диверсионных групп — 27, разведчики-одиночки — 23. Было изъято 29 коротковолновых радиостанций. Все агенты — бывшие военнослужащие Красной армии, завербованные в лагерях для военнопленных, а затем обученные в разведывательных и диверсионных школах. Задания, которые получили агенты, заключались в наблюдении за

воинскими перевозками на железнодорожных станциях: Прохладная, Армавир, Тихорецкая, Сальск — на Северном Кавказе, Миллерово Ростовской области, Рузаевка Мордовской АССР, Балашов Саратовской области, Воронеж, Усмань, Грязи Воронежской области, Мичуринск Тамбовской области, Калинин, Горький, Арзамас, Иваново, Владимир, Ярославль и Александровск Ярославской области, Куйбышев, Ульяновск, Ртищево Саратовской области, Рязань и Михайлово Рязанской области, Орехово-Зуево Московской области, на линии Архангельск — Вологда. Дополнительно агенты противника имели задание выявлять дислокацию частей Красной армии, их оснащение, настроения личного состава, собирать сведения о работе военных заводов. Одна из разведывательных групп, задержанная в Вологодской области, имела задание пробраться в Ленинград и выявить базы подводного флота. Четыре группы диверсантов должны были вывести из строя железную дорогу Тихвин — Вологда. Остальные диверсионные группы предназначались для вывода из строя железной дороги на участке Елец — Ефремово, Ржев — Высокая, Вологда — Архангельск, Ефимовская — Тихвин². С потерей значительного количества подготовленных агентов противник не смог реализовать свои разведывательно-подрывные акции.

На основании изложенного можно сделать вывод, что создать надежную агентурную сеть в промышленных центрах и на железнодорожных коммуникациях СССР германской разведке не удалось. Ни разведывательные, ни диверсионные, ни иные подрывные устремления противник через своих агентов в полной мере реализовать не смог. Поэтому для подрыва экономики СССР активно использовалась авиация, которая до середины 1943 г. удерживала превосходство в воздухе. Массированными бомбардировками можно было оперативно достичь крупных разрушений железнодорожного полотна, мостов и других важнейших сооружений. Ударами по коммуникациям неприятель пытался дезорганизовать работу транспорта, разорвать экономические связи и тем самым сорвать снабжение Красной армии. Использование диверсионных групп именно в прифронтовой полосе было для противника оптимальным, так как позволяло достичь более высокой секретности замыслов военного командования.

Важным элементом контрразведывательной работы органов госбезопасности являлся оперативный розыск агентов германских спецслужб, предателей и пособников немецких оккупантов. В оперативных документах и правовых актах военного времени развести понятия «изменник», «предатель», «пособник» не представляется возможным, поскольку они использовались как синонимы. Оперативный розыск предполагал картотечный учет разыскиваемых лиц. В частности, учет подлежали: консультанты, переводчики и обслуживающий персонал из числа советских граждан штабных, разведывательных и контрразведывательных органов, диверсионных, террористических и разведывательных школ противника; содержатели радиостанций, складов продовольствия, оружия и боеприпасов, оставленных неприятелем в тылу Красной армии для своей агентуры; владельцы домов и квартир, где размещались разведывательные и контрразведывательные органы противника, проживали офицеры разведки и контрразведки, если владельцы домов не были выселены противником; участники белогвардейских, националистических, религиозных и прочих антисоветских организаций, созданных оккупантами; члены городских управ, сельские старосты, полицейские, служащие и секретные сотрудники полиции и гестапо; предатели, провокаторы и пособники, выявлявшие коммунистов, партизан, красноармейцев, изымавшие у населения продовольствие, фураж, скот, теплую одежду, участвовавшие в расправах; содержатели притонов и домов терпимости; женщины, сожительствовавшие с офицерами противника; все лица, добровольно ушедшие при отступлении с вражескими войсками.

Как свидетельствуют статистические данные, в годы Великой Отечественной войны за преступления, связанные с изменой Родине или изменническими намерениями, были арестованы 37 056 человек, или 8,2% от общего числа арестованных: из них на освобожденной от немецких оккупантов территории — 26 411, в тыловых районах СССР — 10 645. За предательскую и пособническую деятельность органы НКВД — НКГБ СССР арестовали 142 105 человек, или 31,4% от общего числа арестованных: из них на освобожденной территории — 138 115, в тылу — 3990.

По агентурным сведениям Управлением НКГБ СССР по Свердловской области в начале 1945 г. было установлено, что вместе с ранеными бойцами Красной армии в госпитали области прибыли на излечение западные украинцы, служившие добровольцами в 14-й дивизии СС «Галичина». Среди 30 арестованных эсэсовцев особое внимание оперативников привлек А. Г. Крамарчук, с 1931 г. являвшийся активным членом ОУН. В 1941–1943 гг. он агитировал население бороться с Красной армией, выполнять все распоряжения немецких властей, лично вербовал жителей Тернопольской области вступить в дивизию СС, в рядах которой воевал против Красной армии. Военным трибуналом УралВО Крамарчук был приговорен к расстрелу, остальные арестованные осуждены на разные сроки³.

После освобождения западных районов СССР от немецких войск началась массовая мобилизация населения для работы на предприятиях. Так, в конце октября 1944 г. в трест «Богословуголь» Свердловской области прибыли 1442 человека, среди которых оказались бывшие полицейские, старосты, провокаторы. По предложению УНКГБ СССР по Свердловской области Карпинский ГК ВКП(б) указал администрации треста организовать санобработку пассажиров и их личных вещей. Агентурой, введенной в штат санпропускника, были обнаружены и изъяты пистолеты, фашистские листовки. Прибывшая из Свердловска оперативная группа во главе с полковником Аренкиным взяла в активную агентурную разработку 140 человек, многие из которых в дальнейшем были арестованы⁴.

В ходе оперативных мероприятий, осуществленных сотрудниками органов госбезопасности весной и летом 1945 г., удалось разоблачить большую группу предателей, прошедших фильтрацию в спецлагере НКВД СССР № 0305 и направленных работать на промышленные предприятия и стройки народного хозяйства. Среди них был и объявленный во всесоюзный розыск изменник Родины Н. И. Воронин. Находясь на фронте, он организовал группу численностью 10 человек и в ночь с 6 на 7 ноября 1941 г. в полном боевом вооружении, сняв посты на передовой линии, добровольно перешел на сторону финнов, сообщив им сведения о расположении частей Красной армии, их вооружении, организации обороны, наличии огневых точек⁵.

В июле 1945 г. был арестован рабочий бокситового рудника Х. Курбанов, бывший член ВЛКСМ, бухгалтер по образованию. Следствие установило, что Курбанов в июле 1942 г. добровольно сдался с плен, изъявил желание служить в немецкой армии, был зачислен в Туркестанский легион, принял присягу на верность Германии. В 1944 г. на итальянском фронте за участие в боях против войск союзников был награжден немецкой медалью с предоставлением месячного отпуска для поездки по городам Италии. В июне 1944 г. после захвата в плен американскими войсками и краткосрочного содержания в английском лагере для военнопленных Х. Курбанова отправили в СССР⁶.

Часть предателей проникла в восточные регионы России в неорганизованном порядке и, используя фальшивые документы, рассредоточилась по глухим населенным пунктам, стараясь скрыться от органов правосудия и тем самым избежать уголовной ответственности за содеянное при оккупантах. Некоторые из них, рискуя быть разоблаченными, активно включились в общественно-политическую деятельность. Сталинским ГО НКГБ Кемеровской области в сентябре 1944 г. был арестован изменник Родины П. П. Чабан, кандидат в члены ВКП(б), председатель одного из сельсоветов Кузнецкого района. Следствие установило, что в июле 1941 г. Чабан сдался немцам в плен, добровольно поступил на службу в полицию. Работая следователем в Ровенской области, принимал участие в истязаниях советских граждан, пытках партизан, насильственной мобилизации населения на работы в Германию. После изгнания немцев Чабан с поддельными документами на имя активного участника партизанского движения пробрался в Кузнецкий район Кемеровской области, устроился на руководящую работу, вступил кандидатом в члены ВКП(б). Таким же образом сотрудниками УНКГБ по Челябинской области и Красноярскому краю были разысканы и арестованы немецкий староста И. П. Афанасьев, старший полицейский П. Т. Головачев и многие другие.

Обычно арестованным предателям инкриминировалось совершение таких преступных деяний, как добровольная сдача в плен и служба в национальных воинских легионах, РОА,

немецкой полиции, участие в боевых действиях против Красной армии, борьба с партизанами и советскими парашютистами, выявление и расстрел партийных и советских активистов, членов их семей, евреев, лиц, сочувствовавших партизанам, насильственное изъятие у населения скота, продуктов питания, одежды для нужд немецкой армии, мобилизация советских людей на каторжные работы в Германию, строительство немецких оборонительных рубежей, несение охраны мостов, железнодорожных линий, складов с боеприпасами, пропаганда идеи о скором и неизбежном поражении СССР в войне с Германией.

Из 3503 человек, арестованных органами госбезопасности Удмуртской АССР, Алтайского и Красноярского краев, Кемеровской, Курганской, Свердловской, Томской областей за измену Родине и изменнические настроения, предательство и пособничество немецким оккупантам по розыскным спискам, были выявлены всего 32 изменника, предателя и пособника, или 0,9% от их общего числа: из них арестованы 13 человек, о 19 предателях ориентированы другие органы НКВД — НКГБ и отделы контрразведки Смерш. В остальных случаях (99,1%) аресты производились на основе реализации местных агентурных материалов, по инициативе руководства вышеуказанных территориальных органов госбезопасности Урало-Сибирского региона.

После депортации в восточные регионы СССР калмыков и крымских татар органы НКВД Урало-Сибирского региона развернули активную деятельность по выявлению среди спецпоселенцев изменников Родины, предателей и пособников немецких оккупантов. В 1944–1945 гг. за эти преступления были арестованы 198 калмыков и 71 крымский татарин. Так, весной 1945 г. Рубцовским РО НКВД Алтайского края было заведено агентурное дело «Хвосты» на 12 спецпоселенцев-калмыков (Г. Келиков, Б. Менкенов, Д. Уланов и другие). Этой группе летом 1942 г. во время приближения немецко-румынских войск к Кетченеровскому району Калмыцкой АССР было поручено эвакуировать скот, всего около 16 тыс. голов, из колхозов имени Кагановича и имени Чкалова. Вместо этого погонщики передали скот немецким оккупационным властям и добровольно вступили в бандгруппу, оперировавшую в Кетченеровском районе, где с оружием в руках помогали немецко-румынским войскам воевать против партизан и Красной армии, занимались грабежом колхозного имущества, насильно угоняли советских мирных граждан в немецкий тыл. В сентябре 1945 г. все лица, проходившие по этому делу, были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по статье 58-1а УК РСФСР.

В январе 1945 г. Куниным РО НКВД Новосибирской области было заведено агентурное дело «Каратели» на 18 спецпоселенцев-калмыков, изменников Родины, участников Алцын-Хутинского карательного эскадрона, позже перешедших на положение бандитов (М. Бовокаев, К. Догаев, Б. Хурдаев, Г. Цеденов, А. Яманов и другие). В 1942 г. они добровольно вступили в карательный эскадрон, сформированный немцами для борьбы с партизанами и частями Красной армии, принимали активное участие в боевых столкновениях, расстреливали пленных командиров Красной армии, красноармейцев, партизан и советских активистов. В декабре 1942 г., когда под ударами Красной армии немецкие войска стали отходить, участники карательного эскадрона перешли на нелегальное положение, занимались бандитизмом, продолжая вести вооруженную борьбу против советской власти. Все участники агентурного дела «Каратели» были привлечены к уголовной ответственности.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны органы госбезопасности, накопив значительный опыт контрразведывательной деятельности, используя агентурные методы, выявили, разыскали и арестовали значительное количество предателей среди военнослужащих и гражданских лиц, мобилизованных на работу в народной хозяйстве, сосланных на спецпоселение, находившихся на излечении в медицинских учреждениях, эвакуированных в восточные регионы СССР и прибывших туда в неорганизованном порядке. На всех этапах розыска и ареста германских агентов, предателей и пособников немецких оккупантов сотрудники органов госбезопасности реализовали принцип неотвратимости возмездия за совершенные злодеяния. Это направление деятельности органов НКВД — НКГБ получило поддержку в обществе, повысило их авторитет в сознании миллионов советских граждан.

Рассматривая вопрос о контрразведывательной работе территориальных органов государственной безопасности, следует особо выделить деятельность управлений по Архангельской и Мурманской областям. Дело в том что после начала Великой Отечественной войны и установления союзнических отношений между СССР, Великобританией и США для решения вопросов безопасной проводки северных союзнических конвоев с грузами ленд-лиза в Архангельской и Мурманской областях были созданы британская и американская военные миссии. В Мурманске первые результаты контрразведывательного наблюдения за представителями союзных миссий позволили сделать вывод об организации спецслужбами Великобритании и США разведывательной работы с легальных позиций⁷. Англичане подобрали на окраине города два отдельных здания, удобных для размещения радиостанции, а также для установления неофициальных связей с советскими гражданами и, по выводам советской контрразведки, их первичной разведывательной обработки. Как британская, так и американская миссии были оснащены специальной радиотехникой. Советская радиоконтрразведка вскоре выявила в районе Полярный — Мурманск — Архангельск четыре постоянно действующие английские радиостанции, осуществляющие почти круглосуточную связь с Лондоном. Также сотрудников контрразведки насторожила несоразмерно большая, по сравнению с задекларированными официально функциями, численность персонала англо-американских миссий. Например, только в Мурманске к середине 1942 г. работали 11 старших и 20 младших британских офицеров. Среди персонала миссий были выявлены кадровые разведчики и лица, имевшие базовое военное образование и специальную подготовку⁸.

В этой связи НКВД СССР направило в УНКВД по Архангельской и Мурманской областям, начальникам третьих отделов Северного флота и Беломорской военной флотилии указание от 27 ноября 1941 г.⁹, в котором определялись конкретные меры активизации контрразведывательной работы по англо-американской линии. Как следовало из указания, основное внимание в контрразведывательной работе следовало уделять выявлению среди сотрудников миссий лиц, «подозрительных на шпионаж», проверке их связей среди командного и рядового состава Военно-морского флота и частей Красной армии, имеющих доступ к сведениям, составляющим государственную тайну. Одновременно требовалось принимать меры к обеспечению сохранения военной тайны военнослужащими и гражданскими лицами, связанными по работе с сотрудниками миссий. При этом основной упор был сделан на агентурную разработку и проведение агентурно-оперативных мероприятий в отношении установленных разведчиков, а также лиц, подозреваемых в причастности к кадровому или агентурному аппарату британских и американских спецслужб. В особняках иностранных представительств, гостиниц «Интуриста», ресторанах, театрах и интерклубе обслуживающий персонал был в основном укомплектован осведомителями и агентами органов контрразведки. Подозрительным иностранцам подставляли квалифицированную агентуру. В номерах «Интуриста» и ряде других помещений, используемых сотрудниками миссий, установили подслушивающее оборудование. Активно осуществлялся контроль над передвижением иностранцев, обоснованно подозреваемых в причастности к зарубежным спецслужбам.

Как следует из материалов управлений госбезопасности по Архангельской¹⁰ и Мурманской¹¹ областям, сформированная система контрразведывательных мер была довольно эффективна. К концу 1943 г. только в Архангельске изучались около тысячи советских граждан, имеющих связи с англичанами. По результатам их агентурных разработок разоблачили и арестовали ряд агентов американской и английской разведок, а также агентов разведки польского эмиграционного правительства, работавших на британские спецслужбы. Советские граждане, подозреваемых в шпионаже в пользу Великобритании, из портовых центров были переселены¹².

Помимо сбора разведывательных сведений кадровые сотрудники спецслужб союзников вели подрывную работу, которая именовалась идеологической диверсией: занимались нелегальным ввозом антисоветской литературы, кинофильмов для пропаганды преимуществ так называемого «западного образа жизни», разжигали эмиграционные настроения. Так, в феврале 1943 г. УНКВД по Архангельской области было установлено, что в адрес военной

миссии в г. Архангельске из Великобритании специальным грузом была нелегально доставлена польская контрреволюционная националистическая литература¹³. Органами безопасности были приняты соответствующие меры, в частности организовано агентурное наблюдение и усилен контроль грузов, прибывающих из Великобритании на пароходах. Кроме того, было установлено, что британские военнослужащие активно распускали провокационные слухи: например, что якобы достигнута договоренность о передаче Севера Европейской части СССР в аренду Великобритании сроком на 20 лет. Проводя идеологическую обработку советских граждан, они утверждали, что Сталин якобы против открытия второго фронта и хочет «победить Гитлера в одиночку».

Таким образом, органы безопасности в полной мере владели информацией об устремлениях британских и американских спецслужб, проводимой ими разведывательной работе, ее формах и методах. В целом советской контрразведке удалось довольно полно вскрыть разведывательную сеть среди персонала союзных миссий, предупредить негативные для СССР последствия разведывательно-подрывной деятельности. Ряд сотрудников миссий, в отношении которых были добыты достоверные данные об их шпионской деятельности, несовместимой с союзническими отношениями, выдворили из страны. Среди них англичане майор Энтони Риис, начальник 126-й британской портовой базы в Архангельске Куртис Берд, бывший начальник военно-морской миссии в Архангельске капитан 2 ранга Д. Уайберд и некоторые другие.

Участие органов госбезопасности в перебазировании промышленных предприятий

Важнейшей составной частью обеспечения экономической безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны являлось перебазирование производительных сил Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии и ряда российских областей в Поволжье, на Урал, в Сибирь, в союзные республики, удаленные от районов боевых действий. Данную проблему высшие руководители страны в лице Сталина и других членов Политбюро ВКП(б) осознали в течение первых же суток после германской агрессии и 24 июня 1941 г. создали Совет по эвакуации при СНК СССР. Ответственность за эвакуацию промышленных объектов возложили на наркоматы и директоров заводов, однако приступать к демонтажу оборудования можно было лишь по указанию или с согласия Совета по эвакуации.

В течение первой военной недели И. В. Сталин пять раз вызывал к себе наркома государственной безопасности В. Н. Меркулова и ставил органам НКГБ СССР задачи, которые нашли отражение в директивах руководителей наркомата, в том числе и по вопросам эвакуации. В частности, в директивах НКГБ СССР «О задачах органов госбезопасности в условиях военного времени» № 136 от 24 июня и № 168 от 1 июля 1941 г. особые требования были предъявлены к личному составу прифронтовых органов НКГБ. Во многих местностях, которым угрожала оккупация противником, фиксировались отсутствие организованности и дисциплины среди местных партийных, советских и хозяйственных руководителей, паника среди населения.

Органы госбезопасности наводить порядок начали со своих подразделений. Малейшие проявления растерянности и малодушия среди оперативного состава требовалось решительно пресекать, паникеры и трусы подлежали аресту. Никто не мог покинуть оперативно обслуживаемую территорию без специального разрешения вышестоящих органов госбезопасности. «В случае вынужденного отхода частей Красной армии, — говорилось в документе от 1 июля 1941 г., — работники органов НКГБ обязаны до последней минуты оставаться на своих боевых постах в городах и селах, борясь с врагом всеми возможными способами до последней капли крови»¹⁴. Эвакуироваться разрешалось только с последними частями Красной армии,

предварительно приняв исчерпывающие меры по уничтожению и проверке того, насколько тщательно уничтожено на оставляемой противнику территории всё, что могло бы оказаться ему полезным. Неисполнение этих мер и самовольная эвакуация квалифицировались как невыполнение долга перед Родиной, и виновным грозило предание суду военного трибунала.

В дополнение к этому 4 июля 1941 г. в органы госбезопасности и внутренних дел УССР, Ленинградской, Смоленской, Гомельской, Витебской, Калининской, Курской, Орловской и Тульской областей было направлено совместное директивное указание НКВД и НКГБ № 239/182, в котором наркомы Л. П. Берия и В. Н. Меркулов приказали: «В случае обнаружения в эшелонах сотрудников НКВД — НКГБ без соответствующих документов, удостоверяющих их право нахождения в эшелоне, арестовывать, проводить расследование через органы Особой инспекции о причинах ухода из прифронтовой полосы и с санкции НКГБ СССР предавать их суду военного трибунала»¹⁵.

Обращает на себя внимание, что санкция НКГБ требовалась для привлечения к ответственности не только сотрудников госбезопасности, но и органов Наркомата внутренних дел. Это говорит о том, что самовольное оставление ими места службы расценивалось не как обычное дезертирство, а как особо тяжкое преступление. Угрозы ареста и предания суду не были пустым обещанием. 10 июля 1941 г. заместитель наркома госбезопасности И. А. Серов подписал приказ о привлечении к ответственности первых шести сотрудников органов НКГБ, которые во время военных действий проявили недопустимую трусость и, бросив исполнение служебных обязанностей, выехали в тыл.

Однако с самого начала войны руководству страны было известно, что сотрудники органов государственной безопасности если и покидали оперативно обслуживаемую территорию с приближением вражеских войск, то никак не раньше местных партийных, советских и хозяйственных руководителей¹⁶. Так, Управление политической пропаганды Юго-Западного фронта в июле 1941 г. докладывало, что в прифронтовых районах партийные и советские руководители проявляют растерянность и поддаются панике. Некоторые из них уехали со своими семьями или бежали задолго до эвакуации и отхода наших частей. Вместо того чтобы вывезти государственные материальные ценности, на имевшийся в их распоряжении транспорт грузили личные вещи. Они оставили районы на произвол судьбы и бежали, самим этим фактом усиливая панику среди населения. Так, из отделений Госбанка и связи не вывезли ценности и деньги, в одном из районных отделов милиции обнаружили без охраны около 100 винтовок. В г. Проскуров Каменец-Подольской области Украинской ССР после панического отъезда руководителей преждевременно были взорвана электростанция и разрушен водопровод, вследствие чего отошедшие в город части Красной армии оказались без воды и электроэнергии¹⁷.

Случалось, не успевали вывезти или уничтожить документы и архивы, которые для германских спецслужб представляли большую ценность. Ряд таких фактов зафиксирован в донесениях с мест. В г. Кромы Орловской области немцы захватили оставленные в райисполкоме документы и фотографии коммунистов. В некоторых районах Тульской области часть материалов учреждений, организаций, предприятий и даже архивы райотделений УНКВД попали в руки врага¹⁸. Это свидетельствует о том, что директива НКГБ СССР «О задачах органов госбезопасности в условиях военного времени» № 136 от 24 июня 1941 г. в полном объеме не выполнялась. Согласно этому документу, все архивные и другие секретные материалы, которые не были необходимы для текущей оперативной работы, следовало под надежной охраной отправить в тыловые органы госбезопасности. Однако в необходимых масштабах эта работа своевременно не была организована.

Несанкционированная эвакуация районных и городских руководителей расценивалась как преждевременная ликвидация советской власти, поэтому соответствующие санкции стали распространяться и на них. Вопрос об их недостойном поведении предварительно обсуждался на заседаниях бюро обкомов ВКП(б). Так, бюро Ленинградского обкома ВКП(б) 4 августа 1941 г. рассмотрело вопрос «Об ошибках руководителей партийных и советских организаций Батецкого и Кингисеппского районов», которые своим поведением дискреди-

Разборка оборудования завода для последующей эвакуации в тыл

тировали органы власти, порождали у населения неуверенность и вызывали панику. Двумя днями позже отдельно был поставлен вопрос «О начальнике Кингисеппского межрайотдела НКГБ Горнове А. А.» и принято решение — за проявленную трусость, паникерство и развал работы снять его с работы и исключить из рядов ВКП(б).

12 августа 1941 г. бюро Ленинградского обкома ВКП(б) осудило действия начальников Дновского межрайонного отдела (МРО) НКГБ Краюхина и Островского МРО НКГБ Филиппова. Заседание носило показательный характер: секретарь обкома партии Жданов, который одновременно являлся секретарем ЦК ВКП(б) и членом Военного совета Северо-Западного направления, распорядился пригласить районных прокуроров, секретарей партийных комитетов, руководящих работников госбезопасности, председателей районных плановых комиссий, народных судей и парторгов ЦК ВКП(б)¹⁹. Сняв Краюхина и Филиппова с работы и исключив их из партии, бюро обкома ВКП(б) поручило прокурору Ленинградской области Бялясникову привлечь обоих к судебной ответственности.

Партийные санкции приобрели еще больший размах в областях, оказавшихся на направлении наступления вермахта на южном участке советско-германского фронта. В документах заметна большая жесткость формулировок. Например, 15 августа 1941 г. бюро Днепропетровского обкома КП(б) Украины рассмотрело вопрос «О дезертирстве руководителей Щорского района со своих постов». Особо подчеркивалось, что даже на второй день после их самовольной эвакуации вражеские войска в районе так и не появились. Было принято решение исключить их из партии и предать суду, в том числе и начальника районного отдела

НКВД Барташевского. Такое же решение было вынесено в отношении начальника ГО НКВД г. Кривой Рог Цоцко, который 14 августа покинул свой пост, не выполнив распоряжение начальника областного Управления НКВД об охране города силами истребительного батальона²⁰. В целом Днепропетровским обкомом партии к 30 августа 1941 г. за трусость и дезертирство были исключены из партии 50 человек, по состоянию на 5 сентября количество исключенных составило 111, а на 4 октября 1941 г. — 172 человека²¹.

Такая жесткая позиция руководителей Днепропетровской области объясняется сложностью обстановки и огромным масштабом задач по эвакуации. С июля 1941 г. начались налеты немецкой авиации на областной центр, в августе приступили к эвакуации промышленного оборудования и населения. Из Днепропетровской области было отправлено на восток 99 тыс. вагонов различных грузов, в том числе с оборудованием — 20 тыс., с металлом — 4,5 тыс., с зерном — 17 тыс. Из Херсона через Днепропетровск осуществлялась эвакуация пароходами из Молдавии, Одесской и Николаевской областей. Днепропетровский речной порт в июле принял пароходы со 100 тыс. пассажиров. Речники переправили на левый берег Днепра свыше 250 тыс. человек, 2,5 тыс. автомашин, свыше 630 тыс. голов скота. С 19 августа 1941 г. начался артиллерийский обстрел Днепропетровска, с 20 августа — бои на правобережье города. 25 августа Красная армия оставила областной центр, взорвав мосты через Днепр, но войска 6-й армии продолжали оборонять левобережье в районе Нижнеднепровска до конца сентября 1941 г. Огромный объем эвакуационных работ требовал строгого порядка, высокой исполнительской дисциплины и организованности.

Определение оптимальных сроков начала эвакуации стало для местных руководителей трудной проблемой. Приступить к эвакуации слишком рано — значит, оставить Красную армию без важной оборонной продукции, в то время как каждая единица была на счету, да еще существовала вероятность попасть под обвинение в панических и эвакуационных настроениях, в преувеличении силы немецких войск. Если запоздать — возрастал риск лишиться материальных ценностей, которые, доставшись врагу, увеличат его военный и экономический потенциал. В этом случае ответственность за срыв эвакуации могла оказаться еще выше.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие решения об эвакуации оформлялись не постановлениями Совета по эвакуации, а более высокими инстанциями — Государственным Комитетом Оборона или ЦК ВКП(б). Это указывает на особую значимость для обороны страны тех объектов, которые подлежали эвакуации: авиационные и танкостроительные заводы, заводы Наркомата вооружения и т. п. Последнее может свидетельствовать также и о том, что высшее руководство страны получало относительно больший объем оперативной информации и, опираясь на нее, могло принять более правильное решение с учетом многих обстоятельств военной обстановки. Местным руководителям оперативно и, главное, объективно оценить ситуацию также было непросто.

Однако существовали и другие причины. Так, органы государственной безопасности информировали ГКО о беспечности руководства Наркомата тяжелого машиностроения в вопросах эвакуации своих предприятий²². Один из примеров, приведенных в документе, свидетельствует о плохой организации перебазирования таганрогского завода «Красный котельщик». Директор завода Козин в сентябре 1941 г. неоднократно обращался в наркомат за разрешением эвакуировать оборудование, послал несколько телеграмм на имя начальника Главкотлотурбпрома Степанова с просьбой разрешить вывезти хотя бы уникальное оборудование, об этом же просил лично наркома тяжелого машиностроения Н. С. Казакова, но каждый раз получал ответ подождать некоторое время. Когда же началась эвакуация завода, железная дорога вместо запланированных 1200 вагонов подала только 290, то есть в четыре раза меньше. 17 октября 1941 г. Таганрог был оставлен, и в результате ценное оборудование и много металла вывезти не смогли: свыше 1000 тонн броневых листов для производства танков, мощные гидравлические прессы и около 100 станков, в том числе уникальные импортные, крайне необходимые для танкостроительного производства. Станки и прессы успели уничтожить, металл же и броня достались врагу. Расследование показало, что импортное оборудование и прессы накануне эвакуации уже не использовались и могли быть

демонтированы без ущерба для производства еще до решения ГКО об эвакуации завода, но отдать такое распоряжение не осмелились ни руководство наркомата, ни директор завода. Приведенный пример иллюстрирует, что руководители предприятий, наркоматов и даже Совета по эвакуации не имели достаточной самостоятельности в вопросах эвакуации.

В докладной записке на имя И. В. Сталина и Л. П. Берии управляющего Укрконсервтрестом Андреева, с 30 июня по 4 июля 1941 г. находившегося в Киеве, говорится, что он лично наблюдал явления, которые оценил как явно противоречащие установкам Сталина, данным в речи по радио 3 июля 1941 г. В частности, Андреев докладывал, что под предлогом эвакуации детей, женщин и стариков преждевременно вывозились государственные учреждения. Массово-политическая и разъяснительная работа по этому поводу не велась, и это породило «исключительно паническое состояние» как в самом Киеве, так и в области. Из западных областей Украины прибыло до «700 автомашин с личным скарбом» ответственных работников, и это усилило панические настроения, хотя линия фронта находилась в 200–300 км от города. В районе станции Жмеринка пришлось наблюдать исключительную нераспорядительность железнодорожной администрации и военных командиров, вследствие чего образовались пробки. По распоряжению районных партийных органов пытались немедленно уничтожить все тракторы и комбайны, хлеб, который находился в стадии уборки, укатать катками, скот, кроме лошадей, раздать колхозникам, распустить правления колхозов. Что делать дальше — установки не дали. Некоторые колхозники отказались от выполнения таких директив, мотивируя, что «т. Сталин в своей речи указал действовать по-другому»: всё это нужно уничтожать, когда местности явно грозит опасность и она будет оставлена. Аналогичные проявления Андреев наблюдал и на территории Винницкой области, и в Одессе. Получалось, что каждый трактовал содержание сталинской речи по-своему, в зависимости от своих понятий и интересов. Для некоторых было бы гораздо проще сразу же уничтожить все материальные ценности и двигаться на восток²³.

Однако военный опыт показывал: населенный пункт более упорно обороняется, если имеет хотя бы какой-то минимум промышленного производства для обеспечения боевых действий, ремонта и восстановления военной техники и т. д.²⁴ Поэтому объяснимо стремление как можно дольше не эвакуировать какую-то часть военно-промышленного производства, и соответствующие указания посылались на места. Когда же обстановка на фронте заставляла эвакуироваться, сроки на демонтаж и вывоз оборудования, как правило, устанавливались предельно сжатые. Так, во исполнение постановления ГКО от 8 октября 1941 г. на эвакуацию из Москвы заводов авиационной промышленности № 31 — в Тбилиси, № 301 — в Новосибирск, № 207 — в Молотов отводилось всего 10 суток²⁵. Дефицит вагонов и времени приводил к нарушениям элементарных правил погрузки и транспортировки оборудования, что стало причиной ряда крушений поездов с человеческими жертвами и большим материальным ущербом народному хозяйству. Расследования показали, что наиболее распространенными нарушениями являлись значительное превышение допустимого веса груза — вагоны ломались под его тяжестью, а также небрежное крепление многотонного груза, который на ходу падал на полотно дороги. Следствие по таким фактам крушений было делом несложным: имелся номер платформы, номер накладной на отправку, а в накладной значился ответственный за погрузку. Тщательное расследование органами госбезопасности проводилось быстро, и материалы направлялись военному прокурору для привлечения виновных к уголовной ответственности²⁶. Кроме указанных, были и другие нарушения перевозки оборудования: отсутствие смазки от коррозии, защиты от осадков открытых платформ и прочие, которые не вызывали крушений, но также наносили большой материальный ущерб. Как выяснилось, далеко не все руководители оказались способными надлежащим образом организовать эвакуацию в предельно сжатые сроки²⁷. Планов эвакуации, как часто отмечалось в материалах того времени, на местах не было, что отчасти объясняется отсутствием четких директивных указаний о действиях в ситуации с конкретным населенным пунктом.

Но дело не только в отсутствии подробных директив. Выполнение мероприятий по эвакуации очень часто оказывалось под угрозой из-за отсутствия в достаточном количестве

подвижного железнодорожного состава. 7 сентября 1941 г. органы государственной безопасности информировали ГКО, ЦК ВКП(б) и НКПС о том, что в областях Украинской ССР, прилегающих к Южной железной дороге, вследствие недостатка порожних вагонов скопилось большое количество народно-хозяйственных грузов, подлежащих вывозу в тыл, в том числе около 1 млн тонн зерновых. Чтобы вывезти зерно, которое хранилось на пунктах «Заготзерно» и на базах Управления государственных резервов, требовалось около 51 тыс. вагонов: для Харьковской области — 11 тыс., для Полтавской — около 6 тыс., для Днепропетровской и Запорожской — 29 тыс., для Сумской — 4,5 тыс., для Черниговской — 500 вагонов. Кроме того, в названные области поступало зерно нового урожая, для вывоза которого требовалось до 2 тыс. вагонов ежедневно. Вследствие отсутствия порожняка вывоз огромного количества материальных ценностей находился под угрозой срыва²⁸. Требовалось срочно усилить обеспечение Южной железной дороги порожними вагонами. Аналогичное положение фиксировалось и на других железных дорогах.

Руководители ряда наркоматов и ведомств, исчерпав свои возможности в получении порожняка, вынуждены были обращаться непосредственно в органы государственной безопасности. Например, в ноябре 1941 г. забил тревогу заместитель наркома вооружения В. Костыгов. Он информировал НКВД о том, что утвержденный СНК СССР план эвакуации заводов наркомата сорван, так как НКПС подал под погрузку лишь 11% вагонов от требуемого количества. «Прошу оказать помощь и обязать НКПС выполнить правительственное решение», — изложил суть своего обращения заместитель наркома. Следует отметить, что адресат был выбран правильно. Дело в том что Л. П. Берия как член ГКО контролировал производство вооружения и минометов и на подобные обращения реагировал очень оперативно.

Проблема порожних вагонов стала серьезной уже в первые военные недели и приняла долгосрочный характер. Об этом, в частности, говорит принятое СНК СССР и ЦК ВКП(б) решение о выгрузке вагонов на Горьковской железной дороге, которое в октябре 1941 г. рассмотрело бюро Горьковского обкома ВКП(б). Было подсчитано, что ежедневная разгрузка не превышала 2350 вагонов из поступающих более 6 тыс., то есть около 40%. Остаток неразгруженных вагонов накапливался и, все более увеличиваясь, грозил закупорить пути железной дороги, и без того работавшей в перенапряженном режиме. В этой ситуации члены бюро предупредили руководителей промышленных предприятий, что за срыв выгрузки вагонов виновные будут привлечены к самой суровой ответственности как за тягчайшее преступление перед Родиной. Начальник местного Управления НКВД Рясной получил основание для необоснованных угроз в адрес руководителей.

Хотя следует подчеркнуть, что органы государственной безопасности и без этого контролировали обстановку и старались не допустить ее ухудшения. В тех условиях требовалось действовать весьма оперативно. Тогда же, в октябре 1941 г. начальник Управления НКВД по Сталинградской области А. И. Воронин информировал заместителя наркома внутренних дел Б. З. Кобулова о том, что в Сталинград только за последние дни прибыло около тысячи вагонов с оборудованием эвакуированных заводов, из которых разгрузить удалось всего 300, а остальной груз было негде складировать. Воронин не только констатировал, но и прогнозировал обстановку: такое скопление в Сталинграде неразгруженных вагонов может сорвать эвакуацию ростовских заводов. В связи с этим Воронин просил срочно проинформировать Совет по эвакуации и принять меры, чтобы своевременно переадресовать эшелоны²⁹.

Неразгруженные вагоны, железнодорожные составы и эшелоны мало того что сдерживали оборот вагонов, но и существенно снижали пропускную способность железных дорог, а это напрямую угрожало военной и экономической безопасности страны, ее обороноспособности в целом. Поэтому при обнаружении таких фактов органы государственной безопасности незамедлительно предпринимали меры, чтобы ликвидировать «склады на колесах» из простаивающих неразгруженных вагонов³⁰. И наркоматы, и ведомства, и военные — все вели учет наличия выделенных им вагонов и их продвижения. Органы государственной безопасности наряду с Наркоматом путей сообщения скрупулезно отслеживали ситуацию в целом по стране³¹.

Периодически на железных дорогах проводилась перепись всех вагонов с эвакуантами: фиксировались номер каждого вагона, станция отправления, станция назначения и принадлежность груза к предприятиям и наркоматам. Такие переписи, например, осуществили 14 и 25 июля, 25 августа, 5 и 30 сентября, 5 и 10 октября, 15, 17 и 27 ноября, 12 декабря 1941 г.³² Можно сказать, что в тех условиях учитывался буквально каждый вагон, особенно порожний, который не так-то просто было заполучить. И это не преувеличение. Например, заместитель начальника Экономического управления НКВД Д. Г. Родионов и начальник Транспортного управления НКВД Н. И. Синегубов поштучно собирали вагоны для эвакуации из Москвы одного из научно-исследовательских институтов. В другом случае, чтобы вывезти архив кинофонда СССР, пришлось лично подключиться руководящим работникам органов госбезопасности. Только благодаря вмешательству начальника Управления НКВД по Москве и Московской области М. И. Журавлева и заместителя наркома внутренних дел Б. З. Кобулова удалось найти необходимые для эвакуации архива пять вагонов³³.

Сотрудникам органов государственной безопасности ставилась задача искать резервы порожних вагонов, и они их находили. 3 сентября 1941 г. начальник ТУ НКВД Н. И. Синегубов доложил Б. З. Кобулову и привел многочисленные факты использования не по назначению порожних вагонов на Южной железной дороге — той самой, которая задыхалась от недостатка порожняка, о чем говорилось выше. Так, вместо предоставления под государственные грузы вагоны использовались для эвакуации членов семей ответственных работников железной дороги и командного состава Харьковского гарнизона. Только после вмешательства транспортного отдела НКВД Южной дороги удалось высадить пассажиров «из незаконно предоставленных им вагонов».

Тем не менее обратить вагоны по назначению оказалось непросто: забирали у членов этих семей одни вагоны, а они занимали другие. Поэтому процедуру высадки повторяли неоднократно. По изложенным фактам Б. З. Кобулов немедленно проинформировал секретаря ЦК ВКП(б), председателя Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) А. А. Андреева, начальника Генштаба Б. М. Шапошникова и наркома путей сообщения Л. М. Кагановича³⁴. Начальник Управления НКВД по Челябинской области Булкин, изучив обстановку среди сотрудников эвакуированного к ним в город аппарата Наркомата боеприпасов, выяснил, что 13 близких и дальних родственников и просто знакомых прибыли с сотрудником наркомата неким Зусманом; старший инженер Марголин эвакуировал «семью» в составе 18 человек, собранную из различных городов СССР; начальник финотдела Управления делами Эпштейн привез с собой сестер и жен своих родственников. При планировании потребностей в вагонах эти «члены семьи», видимо, тоже учитывались.

В кризисной ситуации того времени со всей очевидностью обнаружилось низкие деловые и личные качества ряда руководителей, озабоченных собственными интересами в ущерб государственным. Вскрывались многочисленные факты такого поведения. По линии органов государственной безопасности систематически поступала информация о том, что руководящие работники как на местах, так и в центре задолго до эвакуации отправляли в тыл подчиненных с поручениями создать условия и обеспечить прием на жительство своих семей и родственников лиц из ближайшего окружения. Под видом заводского оборудования перевозили личные вещи и продукты питания, причем использовали в этих целях не только железнодорожный, но и воздушный транспорт.

1 сентября 1941 г. НКВД СССР для председателя Совета по эвакуации Н. М. Шверника обобщил материалы по Главному управлению гражданского воздушного флота (ГУГВФ). Выяснилось, что за два месяца войны в ущерб перевозке оборонных грузов на самолетах гражданской авиации отправили в тыл 460 членов семей работников Главка и около 15 тонн личных вещей. Иногда такие перевозки оформлялись как специальные рейсы, хотя самолеты были полностью загружены личными вещами руководящих работников³⁵. Подобные факты злоупотреблений служебным положением становились известны трудящимся и служили катализатором негативных проявлений, которые приобретали политическую окраску. Стихийные митинги против таких руководителей, случалось, заканчивались драками, побоями должност-

ных лиц, иногда превращались в массовые беспорядки, что являлось уже прямой угрозой срыва мероприятий по перебазированию на восток производительных сил. В таких условиях требовались оперативные и решительные действия органов государственной безопасности. Для контроля и оказания помощи на места командировались руководящие работники НКВД.

Одним из ответственных за организацию деятельности органов государственной безопасности в прифронтовых областях Украинской ССР был заместитель наркома внутренних дел И. А. Серов. 26 сентября 1941 г. он по ВЧ-связи доложил Л. П. Берии об оперативной обстановке и результатах своего пребывания в Харькове. Его подробный отчет отражает основные направления и содержание работы уполномоченного центра. Тезисы этого отчета заключаются в следующем:

- настроение основных масс рабочих положительное;
- руководители и сотрудники местных органов НКВД, милиции, пожарной охраны проявляют растерянность и неорганизованность — Серов потребовал выполнения приказов НКВД о применении суровых мер к трусам и паникерам из числа сотрудников НКВД;
- установлены 1100 человек антисоветски настроенных лиц, которые ожидают прихода немцев, ведут пораженческую агитацию, 500 человек из них намечены к аресту, часть уже арестована;

- система противовоздушной обороны и службы воздушного наблюдения, оповещения и связи совершенно не организована: воздушная тревога в городе объявлялась, когда самолеты противника уже отбомбились; авиационные налеты на город начались в августе 1941 г., но только 25 сентября был назначен заместитель начальника местной ПВО;

- имеются перебои в снабжении продуктами, между тем продукты в городе есть; цены выросли, есть спекуляция, колхозники не хотят продавать продукты за деньги и требуют промтовары;

- имеются случаи воспрепятствования эвакуации колхозного и совхозного скота, по всем этим фактам проводятся оперативные мероприятия;

- в Харьковской области установлено около 100 семейств немцев — Серов распорядился подготовить и провести их выселение, однако в правильности данного решения заместитель наркома не был уверен и просил на этот счет указаний;

- эвакуация населения проводилась неумело, в результате отмечено недовольство, и контрреволюционные элементы используют его, распространяют слухи, что эвакуируют семейства только руководящих лиц, а население оставят на месте;

- советские органы и администрация предприятий не проводят достаточной разъяснительной работы: о порядке эвакуации фабрик и заводов, по вопросам удовлетворения рабочих зарплатой, о количестве рабочих, остающихся на заводах, и т. д.; это вызывает нездоровые настроения: имели место забастовки, невыходы на работу, хищения продукции своих заводов, требования выплаты зарплаты ежедневно — по всем этим фактам Серов дал указание принять оперативные меры, проинформировал Центральный комитет КП(б) Украины для налаживания дополнительных мер³⁶.

Из Харькова подлежало эвакуации 35 важнейших предприятий, для которых требовалось более 13 тыс. вагонов. Как уже говорилось, Южная железная дорога систематически не выполняла график подачи порожних вагонов, но оказалось, что и поданные вагоны простаивают. По плану эвакуации первой очереди должны были отправить 9228 вагонов с оборудованием, но за период с 19 по 30 сентября 1941 г. смогли погрузить только 4558 вагонов, то есть около половины. В это же время (по состоянию на 30 сентября) простаивало 829 порожних или незагруженных полностью вагонов. Из-за неподготовленности оборудования к погрузке, из-за отсутствия механизации погрузочных работ и главным образом из-за нераспорядительности и растерянности руководителей работ под погрузкой стояли длительное время: вместо пяти часов по норме на погрузку одного вагона в отдельные дни затрачивалось в среднем до 82 часов, более чем в 16 раз.

По оценке органов государственной безопасности, которая оперативно была доведена до А. А. Андреева, Л. М. Кагановича и Н. М. Шверника³⁷, совершенно неудовлетворительно

проходила эвакуация заводов № 296 и № 450, Харьковского турбогенераторного завода и Харьковского тракторного завода. С 21 сентября турбогенераторному заводу железная дорога ежедневно предоставляла от 83 до 130 порожних вагонов, однако директор завода Бобырев приступил к демонтажу оборудования только 24 сентября и по 29 сентября не загрузил ни одного. Тракторный завод вместо 1500 вагонов погрузил 970 при наличии на заводе 169 порожних вагонов. Органы госбезопасности выявили наиболее злостных нарушителей графиков погрузочных работ, а срыв сроков эвакуации квалифицировали как саботаж. Были арестованы и привлечены к уголовной ответственности: бригадир слесарей завода № 296 Чувилкин, начальник вспомогательного цеха тракторного завода Самусенко, бригадир транспортного отдела этого же завода Волошенко, шоферы Манров и Купцов, а также руководитель транспортного отдела завода № 450 Игнатенко. Кроме того, как доложил Кобулову заместитель наркома внутренних дел Украинской ССР Савченко, в связи с демонтажом оборудования и эвакуацией других промышленных предприятий Харьковской области также имели место «отдельные антисоветские саботажнические выступления». По всем этим фактам были арестованы 140 человек³⁸.

Крайне негативная реакция на эвакуацию оборудования и подготовку к уничтожению шахт наблюдалась у горняков Ворошиловградской области. Тот же Савченко из поселка Меловое информировал Л. П. Берию, что были арестованы и осуждены 87 шахтеров — наиболее активные участники антисоветских выступлений, причем 67 из них (77%) как зачинщики приговорены к высшей мере наказания. Всего за антисоветскую деятельность во время демонтажа и эвакуации промышленных предприятий Ворошиловградской области арестовали 122 человека³⁹.

Негативные проявления в связи с эвакуацией были распространенным явлением и поэтому требуют объяснения причин. Следует учесть, что эвакуировать всех желающих не было возможности, особенно в первые месяцы войны. Вместе с оборудованием в тыл отправляли кроме руководящего административного состава предприятий только специалистов и наиболее квалифицированных рабочих с семьями. Остальные оставались без работы, следовательно, и без гарантированных средств к существованию. Особенно бесперспективным было положение горняков, так как в шахтерских поселках другой работы практически не имелось — только на шахтах, а они подлежали уничтожению. Чтобы выжить, оставалось или вместе с семьями покинуть обжитые места и переместиться в сельскую местность, или хотя бы частично сохранять рабочие места в расчете, что труд будет востребован и германскими оккупантами. Появлялись лица, агитирующие против эвакуации, которые убеждали граждан, что и «под немцем» жить можно, ссылались на оккупационный режим Первой мировой войны. На своевременное выявление таких лиц нацеливались органы государственной безопасности. Складывалось двойственное положение: с одной стороны — эвакуировать могли не всех желающих, а с другой — власти пресекали разговоры о нецелесообразности покидать свои дома.

Однако по мере приближения германских войск количество желающих перебраться в безопасные регионы страны возрастало. С началом массированных бомбежек и артиллерийских обстрелов возрастали жертвы среди гражданского населения, и многие стремились уйти от опасности, уехать в тыл. Но сделать это было непросто, покинуть города разрешалось лишь по специальным пропускам, которые выдавали далеко не всем. Перед административными зданиями собирались толпы людей, которые требовали (зачастую безуспешно) отправить их в безопасное место. Напряжение нарастало. Органы агитации и пропаганды работали неэффективно. Среди населения, которое не имело достоверной информации о реальной обстановке и не получало необходимых разъяснений, появлялись различного рода слухи, возбуждавшие тревожные настроения и панику. Более того, неумелая и некомпетентная работа официальных пропагандистов в ряде случаев наносила больше вреда, чем пользы. Неслучайно маршал К. К. Рокоссовский в своих воспоминаниях отметил, что «местная печать (областная, республиканская) и даже в некоторой степени центральная, сообщающая о диверсантах, переодетых в форму милиционеров, пограничников, сотрудников НКВД,

командиров и т. п., якобы наводнивших страну, и призывая к бдительности, одновременно способствовала распространению ложных слухов и панике»⁴⁰.

С первых же дней войны как на фронте, так и в прифронтовой полосе, ближнем тылу ложные слухи и паника приобрели повышенную социальную опасность и подлежали решительному пресечению. В территориальные органы государственной безопасности поступили директивы НКГБ СССР № 148 от 26 июня 1941 г. «Об аресте и предании суду военного трибунала распространителей панических слухов, пытающихся дезорганизовать тыл» и № 152 от 28 июня 1941 г. «О мероприятиях по пресечению распространения среди населения провокационных слухов в связи с военной обстановкой». Беспощадную борьбу с дезорганизаторами тыла, паникерами, распространителями слухов должны были вести не только органы государственной безопасности, но и все партийные и советские организации прифронтовых областей. Эта задача была перед ними поставлена в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. И. В. Сталин в своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. потребовал предавать этих лиц суду военного трибунала.

6 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». В соответствии с этим указом по приговору военного трибунала виновные карались тюремным заключением на срок от двух до пяти лет. Материалы военного времени показывают, что упрощенное понимание причин появления и циркуляции негативных слухов вело к применению преимущественно карательных методов их предупреждения. Однако силовые действия были малоэффективными: очередная волна слухов неизбежно появлялась всякий раз, когда отсутствовала объективная информация о жизненно важных для населения событиях. Так, например, происходило в период серьезных поражений Красной армии летом 1942 г. и второй волны эвакуации⁴¹.

Летом 1941 г. поступающая с мест информация об упущениях в работе партийных, советских и хозяйственных органов, казалось бы, позволяла сделать надлежащие выводы и не допустить повторения ситуации в других городах. Но стиль работы этих органов был одинаков, и предотвратить серьезные негативные происшествия, связанные с эвакуацией, не удалось. В этом отношении, как показывают опубликованные документы и материалы военного времени, не стала исключением и Москва⁴². Ожесточенные бои на всех оперативных направлениях, ведущих к столице (волоколамское, Можайское, малоярославское, калужское), разгорелись 13 октября 1941 г. Началась массовая эвакуация. Обстановка в столице в целом оставалась нормальной, но 16 октября резко осложнилась. Утром не вышел на маршруты городской транспорт, не возобновили работу станции метро, остались закрытыми магазины. Чтобы узнать, в чем дело, люди безрезультатно пытались дозвониться в Мосгорисполком и в Московский комитет ВКП(б). И. В. Сталина информировали о возмущении рабочих одного из авиационных заводов, которым в связи с эвакуацией не выдали ни уже заработанных денег, ни за две недели вперед, согласно правительственному распоряжению о порядке эвакуации. Рабочим сказали, что директор уехал и забрал деньги, а на самом деле не хватило денежных знаков в Госбанке. Глава правительства распорядился немедленно перебросить самолетом денежные знаки, наладить работу трамваев и метро, открыть магазины, столовые, а также лечебные учреждения. Секретарю МК ВКП(б) А. С. Щербакову и председателю Мосгорисполкома В. П. Пронину И. В. Сталин поручил в тот же день выступить по радио, призвать граждан к спокойствию, стойкости, сказать, что нормальная работа транспорта и учреждений общественного питания и бытового обслуживания будет восстановлена. При этом он сказал: «Ну, это ничего. Я думал, будет хуже»⁴³. Следует отметить, что интуиция его не подвела: в действительности обстановка была гораздо сложнее.

В органы госбезопасности продолжала поступать информация о происшествиях в Москве. Например, ожидавшие зарплату рабочие завода «Точизмеритель» увидели автомашины, груженные личными вещами работников Наркомата авиационной промышленности, окружили их и начали эти вещи растаскивать. Раздались выкрики с требованиями объяснить, почему не выданы деньги, директору завода Гольдбергу стали угрожать расправой.

Находившийся на месте происшествия оперативный работник Молотовского районного отдела НКВД Нырков попытался дать разъяснения, но они рабочих не удовлетворили, и угрозы последовали уже в его адрес. Обстановка несколько разрядилась с прибытием на завод заместителя начальника райотдела НКВД Дмитрова, который от имени органов госбезопасности заверил, что деньги выдадут всем. Предварительным расследованием было установлено, что виновниками данного происшествия являются директор завода, главный инженер, заведующая столовой и сбежавшие с завода некоторые руководящие работники.

В накаливании обстановки порой невольно становились виноваты местные работники. Например, рабочие Реутовской текстильной фабрики выразили недовольство не полностью выплаченной зарплатой. К ним направили начальника штаба МПВО фабрики Иванова, которому поручили объяснить, что остальную часть зарплаты рабочие получают на следующий день. Однако Иванов в той нервной обстановке объявил, что будут взорваны жилые бараки, в результате чего собравшиеся набросились на него и избili. Одного из организаторов избиения арестовали, другой с места происшествия скрылся. Иванова за неправильные действия решили также привлечь к ответственности.

В другом месте группа рабочих, оставленных для сбора остатков имущества эвакуированного завода № 230, взломала замки складов и похитила спирт. Силами оперативного состава райотдела НКВД порядок был восстановлен. Однако вскоре та же группа и присоединившаяся к ним толпа возобновили расхищение складов, в этом приняли участие заместитель директора завода Петров и председатель месткома. При попытке воспрепятствовать расхищению спирта были избиты секретарь парткома завода и представитель райкома ВКП(б). Десять наиболее активных участников беспорядков пришлось арестовать, но заместителю директора завода Петрову удалось бежать.

Ряд серьезных инцидентов произошел на шоссе Энтузиастов. Их описал очевидец Г. В. Решетин: «Какие-то люди то там, то здесь останавливают... автомашины. Стаскивают ехавших, бьют их, сбрасывают вещи, расшвыривая их по земле»⁴⁴. Толпа местных жителей Балашихинского района в 200 человек напала на автоколонну, обезоружила трех сопровождавших и повредила шесть легковых автомашин, скатив их в овраг. Расследование контролировал лично В. Н. Меркулов, видимо, потому что среди поврежденных была спецмашина секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева, следовавшая в г. Горький. Предварительным разбирательством было установлено, что толпа состояла из рабочих завода № 219. Беспорядки в поселке этого завода спровоцировали неправильные действия администрации завода, которая не выплатила зарплату, сославшись на нехватку денег. Положение усугубил помощник директора завода по найму и увольнению Рыгин, загрузивший автомашину большим количеством продуктов питания и пытавшийся выехать с заводской территории, однако рабочими завода он был задержан и избит. Через два дня начальник Управления НКВД по Москве и Московской области М. И. Журавлев доложил, что Рыгин и пять организаторов беспорядков арестованы, ведется следствие⁴⁵. Чрезвычайные происшествия 16 октября 1941 г. произошли также на Краснохолмском комбинате и на фабрике «Рот Фронт» в Кировском районе Москвы, на обувной фабрике «Буревестник» в Сокольническом районе, на мотоциклетном заводе в Пролетарском районе, на заводе «Моспласткож», на заводах № 8 и 58 в Мытищинском районе.

В большинстве случаев одной из основных причин беспорядков была невыплата рабочим зарплаты и двухнедельного пособия. В ряде случаев задержки с выплатой объяснялись нехваткой денежных знаков в отделениях Госбанка, но зафиксированы также и факты бегства кассиров с вверенными им деньгами. В ожидании денег сотни и даже тысячи рабочих скапливались возле проходных, иногда силой прорывались на территорию своих предприятий и цехов. Узнав, что некоторые из производственных зданий уже были подготовлены к уничтожению на случай оставления столицы, требовали их разминировать. Если проникнуть на территорию предприятий не удавалось, рабочие вооружались лопатами, молотками и подручными средствами, блокировали проходные и ворота, никого не выпуская, пока не получают деньги. Массовыми проявлениями были разбазаривание и хищение продукции,

междоусобные драки при ее дележе, взломы складов со спиртом, коллективные пьянки, которые сопровождалась «групповой контрреволюционной агитацией погромного характера» с призывами уничтожать евреев, избивать коммунистов. В одних случаях порядок удавалось восстановить, проведя разъяснительную работу, к которой подключались сотрудники органов государственной безопасности, в других — приходилось прибегать к силовым методам подавления с использованием работников милиции, красноармейцев, бойцов истребительных батальонов, немедленно проводить аресты и предавать зачинщиков суду.

Однако эти меры не давали желаемых результатов: восстанавливали порядок в одном месте Москвы, но аналогичные проявления возникали в другом. Переломить ситуацию не удавалось, напряженная обстановка в столице сохранялась и на следующий день, 17 октября. К этому времени руководящие работники ряда заводов, некоторых райкомов ВКП(б) и советских органов покинули Москву. По тем же причинам, что и накануне, беспорядки имели место на заводе электротермического оборудования в Таганском районе, на Шарикоподшипниковом заводе № 2 в Ленинском районе, на заводе № 67 имени Тимошенко в Сталинском районе, на автозаводе имени Сталина с участием 1500 рабочих, среди учащих ремесленного училища этого же завода, на заводе № 156 Наркомата авиационной промышленности, на заводе № 69 Наркомата вооружения.

Бывший начальник контрразведывательного отдела Управления НКВД по Москве и Московской области С. М. Федосеев в своих воспоминаниях описал события, связанные с заместителем наркома вооружения Б. Л. Ванниковым и заместителем наркома внутренних дел И. А. Серовым: «Серьезный инцидент произошел на Мытищинском заводе № 6 Наркомата вооружения СССР. Завод этот по праву считался ведущим в отрасли и в силу своей значимости входил в первую десятку предприятий оборонной промышленности, фигурировавших в утвержденном ГКО списке. Его эвакуацией в глубь страны руководил... Борис Львович Ванников. Уникальное оборудование завода, бережно укрытое в контейнерах, в октябре 1941 г. в связи с близостью к Москве фронта должно было быть отправлено на восток... Но случилось так, что заводская администрация, поддавшись панике, решила одновременно с отправкой оборудования в тот же день эвакуировать свои семейства со всем их скарбом, мобилизовав для этого весь легковой транспорт предприятия. Все это происходило на глазах значительной части рабочих, вызвало их озлобление и послужило причиной стихийно возникшего митинга. Некоторые выступавшие на нем призывали не допустить закрытия завода и даже требовали остановить эвакуацию, чтобы «не остаться без дела». Страсти еще больше разгорелись, когда кто-то из толпы выкрикнул, что завод вот-вот взлетит на воздух. Митингующие избрали из своей среды пятерку лиц, коей поручили произвести обследование территории завода и при обнаружении взрывчатки обезвредить ее. Пятерка потребовала, чтобы ее сопровождал прибывший на место происшествия заместитель наркома внутренних дел СССР И. А. Серов. Тому ничего не оставалось, как только присоединиться (объяснялось это, очевидно, не только тем, что по своему характеру Серов был решительным человеком, но и тем, что Ванников дал ему понять, что обнаружить следы взрывчатки вряд ли удастся). Так, собственно, и произошло, хотя до этого инцидента на территорию завода была подвезена и с помощью военных специалистов заложена взрывчатка в достаточно солидных дозах. О случившемся И. А. Серов, судя по всему, доложил наверху. В ту же ночь последовал приказ местным органам НКВД немедленно арестовать зачинщиков и предать суду военного трибунала. Было арестовано около 15 человек. Всех их через несколько дней расстреляли. Реабилитация последовала лишь после 1953 г.»⁴⁶.

Другим важным элементом перебазирования промышленных предприятий являлась транспортировка эвакуированных в пункты их назначения. Органы государственной безопасности и в этом приняли непосредственное участие. Их задача заключалась в контроле над продвижением эшелонов и даже отдельных вагонов с наиболее ценными грузами, причем они не только информировали инстанции о ситуации на транспортных артериях, но и при необходимости своим непосредственным вмешательством максимально способствовали сокращению сроков перевозок.

Безусловно, не менее ответственным этапом перебазирования являлось восстановление эвакуированных предприятий на новом месте дислокации. Графики восстановления наиболее важных из них утверждались ГКО и контролировались очень жестко. Во многих случаях информацию о ходе строительных работ требовалось представлять каждые пять дней. Функция государственного контроля была возложена как на партийные, советские и хозяйственные органы, так и на органы государственной безопасности. Под особым контролем находились строительно-монтажные работы по восстановлению и выводу на проектные мощности тех заводов, которые оказались единственными поставщиками военной продукции. Одним из таких заводов, в частности, являлся Московский завод автотракторного электрооборудования Наркомата среднего машиностроения, эвакуированный в Куйбышев по решению СНК от 12 октября 1941 г. Завод был единственным в СССР, изготавливавшим электрооборудование для самолетов, танков, автомобилей. Как информировало Управление НКВД по Куйбышевской области, на 1 января 1942 г. из 1820 отгруженных из Москвы единиц станочного оборудования было перевезено на новое место расположения завода 635, а смонтировано только 131 и лишь 80 полностью сдано в эксплуатацию. Намечались к переезду 4800 рабочих и ИТР завода, однако к началу 1942 г. прибыли всего 1847 человек. Управление НКВД не только констатировало указанные факты, но и вскрыло причины задержки в восстановлении завода, устранение которых могло в какой-то мере способствовать скорейшему вводу завода в строй.

Аналогичную работу Управление НКВД проводило в отношении эвакуированного в Куйбышев Ленинградского карбюраторно-арматурного завода Наркомата среднего машиностроения, который стал единственным в СССР поставщиком топливной аппаратуры для всех заводов-изготовителей автомобилей, тракторов, самолетов, танков, мотоциклов. Оказалось, что эвакуация оборудования производилась не комплектно, в результате задержался монтаж его на новом месте. В пути следования затерялось несколько вагонов с оборудованием и пришлось предпринимать меры к их розыску. Отмечалось отсутствие рабочей силы и в первую очередь квалифицированных рабочих. Подобные же причины тормозили выход на проектную мощность Куйбышевского шарикоподшипникового завода Наркомата среднего машиностроения, эвакуированного из Москвы. Так, в декабре 1941 г. завод вместо плановых 150 тыс. шарикоподшипников изготовил лишь 59 тыс.

Для повышения эффективности работы органов госбезопасности, связанной с восстановлением эвакуированных предприятий, на места в длительные командировки направлялись квалифицированные оперативные сотрудники центрального аппарата НКВД, чаще всего Экономического управления. Приобретенный ими опыт был закреплен в «Положении о работе оперативных групп ЭКУ НКВД СССР, обслуживающих на местах эвакуированные промышленные наркоматы, главные управления, научно-исследовательские учреждения и предприятия», утвержденном Б. З. Кобуловым 13 марта 1942 г. Положением закреплялось право сотрудников таких групп вести агентурно-оперативную и следственную работу по согласованию с руководителями местных УНКВД и во взаимодействии с оперативным составом ЭКО.

Опыт работы оперативных групп оказался востребованным летом 1942 г., когда немецким войскам вновь удалось далеко продвинуться в глубь нашей страны. После неудачного наступления войск Красной армии под Харьковом немцы захватили инициативу, начали новое наступление и вышли к Волге и в район Северного Кавказа. Гитлеровцы стремились захватить грозненскую и бакинскую нефть. В этот период из районов Дона, Кубани и Северного Кавказа было эвакуировано на восток страны еще несколько десятков металлургических, машиностроительных и других предприятий.

Неудовлетворительная работа партийных, советских и административных органов в связи с перебазированием производительных сил из прифронтовых областей СССР приводила к тяжелым и социально опасным последствиям. Для их ликвидации приходилось использовать органы государственной безопасности. В ходе эвакуации они выполняли различные задачи: с одной стороны — оставались элементом карательного механизма государства и служили инструментом репрессий, а с другой — выполняли функции государственного контроля и

повышения эффективности работы хозяйственных, советских и партийных органов. В этом качестве, подменяя соответствующих должностных лиц, сотрудники госбезопасности способствовали успешному решению важных задач по перебазированию наиболее важной части военно-экономического потенциала СССР.

Спецмероприятия по уничтожению материальных ценностей на оставляемой врагу территории СССР

В связи с вынужденным отступлением Красной армии ЦК ВКП(б) и СНК уже 27 июня 1941 г. в совместном постановлении «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» потребовали от военных советов фронтов немедленного приведения в полную негодность путем разрушения, уничтожения и сожжения всего ценного имущества при невозможности его вывоза. Эта же идея прозвучала двумя днями позже в директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром германских захватчиков. В документе, в частности, говорилось, что все ценное имущество, которое не успевали эвакуировать, подлежит уничтожению, а всех, кто своим паникерством и трусостью мешал делу обороны, требовалось немедленно предавать суду военного трибунала, невзирая на лица⁴⁷. В своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. И. В. Сталин сказал: «При вынужденном отходе частей Красной армии... все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться»⁴⁸. Подготовительная работа и уничтожение на оставляемой врагу территории СССР материальных ценностей в документах того времени получили условное наименование «спецмероприятия».

В ряде публикаций утверждается, что с самого начала Великой Отечественной войны руководство СССР и Красной армии взяло на вооружение тактику «выжженной земли» — по тотальному уничтожению перед отступлением всего, что только можно было уничтожить, включая населенные пункты, в результате чего страдали в первую очередь свои же граждане⁴⁹. В действительности все было не так однозначно. В этом отношении показателен следующий факт. 9 июля 1941 г. член Военного совета Юго-Западного направления, первый секретарь ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущев внес в ЦК ВКП(б) на имя Г. М. Маленкова предложение, суть которого заключалась в том, чтобы немедленно уничтожать все ценное имущество, хлеб и скот в зоне 100–150 км от противника независимо от состояния фронта. В срочном порядке телеграммой за подписью председателя ГКО И. В. Сталина был отправлен категорический ответ о недопустимости уничтожения всего имущества в связи с вынужденным отходом частей Красной армии⁵⁰. Н. С. Хрущеву разъяснили, что такое мероприятие может деморализовать население, породить недовольство советской властью, расстроить тыл Красной армии и вызвать как в войсках, так и среди населения пораженческие настроения вместо решимости давать отпор врагу. Уничтожать материальные ценности, которые невозможно эвакуировать, следовало только ввиду явной угрозы захвата противником конкретной территории. В своей телеграмме Сталин потребовал не взрывать заводы, электростанции, водопроводы, а демонтировать заводское оборудование, станки и все те ценные части, без которых заводы и электростанции долгое время нельзя было восстановить. Вывозить или уничтожать продовольствие, необходимое для остающегося населения, категорически запрещалось. Таким образом, никакой тактики «выжженной земли» в ущерб населению советское руководство в самом начале войны не требовало. В ряде случаев такая практика стала применяться лишь осенью 1941 г. в битве под Москвой.

Следует подчеркнуть, что при этом был заимствован зарубежный опыт. Так, в 1998 г. канадской общественности стали известны считавшиеся ранее сверхсекретными архивные

документы, которые свидетельствуют, что в начале Второй мировой войны тактику «выжженной земли» инициировал британский кабинет министров⁵¹. При реализации собственных интересов ни правовые, ни моральные нормы англичанами в расчет не принимались, они готовы были уничтожить все объекты, могущие принести пользу их противнику, даже расположенные на территории других, невраждебных государств в нарушение их суверенитета. Известны планы англичан по уничтожению бакинских нефтепромыслов в начале Второй мировой войны в связи с тем, что тогда часть каспийской нефти СССР поставлял Германии. Даже после нападения Германии на Советский Союз англичане не отказались от своих замыслов по уничтожению советских нефтепромыслов на Кавказе. 22 сентября 1941 г. начальник 1-го управления НКВД СССР П. М. Фитин на основании агентурных данных информировал ГКО о том, что английское командование на Ближнем Востоке вскоре после германской агрессии против СССР получило санкцию военного министерства Великобритании на организацию специальной операции по разрушению кавказских нефтепромыслов СССР, чтобы не допустить их захвата немцами в случае, если такая опасность окажется реальной⁵².

Что же касается позиции советского руководства по вопросу уничтожения материальных ценностей, которые могли бы, попав к врагу в качестве трофея, увеличить его военно-экономический потенциал, то следует вновь подчеркнуть: спецмероприятия проводились, как правило, в самый последний момент перед отступлением частей Красной армии. Повышенное внимание уделялось подготовке и реализации спецмероприятий в наиболее важных для военной экономики регионах.

Один из них — Донецкий бассейн, территория которого включала тогда Днепропетровскую, Сталинскую (Донецкую), Ворошиловградскую (Луганскую) и Ростовскую области. К началу войны — это крупнейший индустриальный регион и главная топливно-энергетическая база СССР, где добывалось около 60% угля, на 11 металлургических заводах производилось свыше 37% чугуна, 25% стали, 26% проката и около 50% кокса, выпускалось 48% паровозов от общесоюзного производства. Военная обстановка вызвала необходимость срочной эвакуации важнейших промышленных предприятий и проведения спецмероприятий. В связи с важностью этих задач в Донбасс в октябре 1941 г. был командирован заместитель наркома внутренних дел И. А. Серов, который местом своего пребывания выбрал областной центр — г. Сталино (ныне г. Донецк). Опираясь на аппараты областных управлений НКВД, Серов решительно взял под строгий контроль процесс эвакуации оборудования и материалов промышленных предприятий. При этом под угрозой репрессий оперативно устранялись имевшие место недостатки, благодаря чему удавалось добиваться увеличения подачи вагонов и отгрузки в первую очередь наиболее ценных станков и материалов. Материальные ценности, которые не удалось вывезти, а также экономически важные объекты уничтожались, приводились в негодность. В частности, специальные мероприятия по выводу из строя заводов и шахт комбината «Сталинуголь» Сталинской области и уничтожению не вывезенных материальных ценностей Управлением УНКВД по Сталинской области были проведены в течение нескольких дней: с 10 по 15 октября⁵³. Накануне и в эти дни было подготовлено для ликвидации 150 основных шахт, 132 из них смогли полностью вывести из строя: лавы и штреки, подземные шахтные двери, стволы и надшахтные сооружения (копры, лебедки, подъемные машины и т. п.) были взорваны в нескольких местах. На остальных 18 шахтах взрывами удалось лишь завалить выходы и выработки внутри шахт, не эвакуированное шахтное оборудование было свалено в стволы шахт, а затем засыпано взрывами. Некоторые шахты в результате взрывов загорелись. Серов в своем донесении подчеркнул, что спецмероприятия проведены своевременно, так как вражеские войска находились в пределах до 20 км от уничтоженных шахт. Абсолютное большинство из них, по заключению специалистов, восстановить было уже невозможно или экономически нецелесообразно, так как проходка новых шахтных стволов обошлась бы дешевле.

Работы по подготовке и проведению спецмероприятий требовали больших сил и средств. Так, например, чтобы полностью вывести из строя Краматорский машиностроительный завод, потребовалось произвести почти 300 взрывов, в результате которых были повреждены

или уничтожены: ТЭЦ, мартеновский, компрессорный и кислородный цеха, газовый цех и его 24 газогенератора, чугунолитейный цех и три вагранки, три мощных прессы, а также ряд других важных заводских объектов. На другом краматорском заводе — имени Орджоникидзе пришлось взорвать здание электроподстанции и электрооборудование, водонапорную башню, три вагранки, семь подъемных кранов, литейные цеха, парокотельную, телефонную станцию. Были выведены из строя металлургический завод в областном Сталино, четыре коксохимических завода (Сталинский, Рудченковский, Ново-Смоляниковский и Мушперовский) и ряд других заводов. Согласно плану спецмероприятий на Сталинском металлзаводе взорвали семь воздуходувных машин, две электроподстанции, две парокотельных, рейферный кран, паропровод, восемь мартеновских печей, кроме того, четыре доменные печи вывели из строя умышленным нарушением технологического процесса («закозлены»). На Орджоникидзевском металлзаводе взрывами уничтожили центральную подстанцию, пять мартеновских печей, три конвертора бессемеровского цеха, паровую турбину, парокотельную, водокачки технической и питьевой воды, паровые подъемные краны и склад горючего, а шесть доменных печей «закозлили». В Мариуполе на заводе «Азовсталь» взорвали две доменные печи, «закозлили» семь доменных и мартеновских печей, коротким замыканием вывели из строя турбогенератор на 24 тыс. кВт. На других мариупольских заводах уничтожили девять электроподстанций, склад мазута емкостью 25 тыс. кубометров, крановое хозяйство, две доменные печи и прочее. На заводе имени Кирова в Макеевке «закозлили» все домны и мартены, взорвали паросиловое и энергетическое хозяйство, теплоэлектростанцию.

Аналогичные спецмероприятия были проведены и на других наиболее важных объектах экономики Сталинской области, включая элеваторы, мельницы, хлебозаводы, холодильники и даже мелкие предприятия легкой промышленности. В последнюю очередь к исходу первого дня боев за г. Сталино (15 октября 1941 г.) была выведена из строя система водоснабжения, взорвана плотина Карловского водохранилища, содержавшего 25 млн кубометров питьевой воды. Эта масса воды своим напором разрушила Ильинский и Терновский накопители емкостью 25 млн кубометров, которые использовались Кураховской электростанцией. Подрыв четырех водонакопителей на 70 млн кубометров задержали по просьбе армейского командования, так как разлившаяся водой могли быть отрезаны отходившие части Красной армии. В связи с этой задержкой у оперативных работников органов госбезопасности появилась возможность оповестить население подняться на возвышенное место, потому что предполагалось затопление до 1150 дворов⁵⁴.

О результатах проведенных спецмероприятий в ЦК ВКП(б) был представлен доклад, согласно которому на восстановление выведенных из строя металлургических, коксохимических, цементных заводов и других предприятий немцам необходимо было год-полтора, а для восстановления ГРЭС и электрообеспечения, учитывая разрушение Ольховского, Зуевского и других водохранилищ, — минимум три года.

Подобные мероприятия проводились и в соседней Ворошиловградской области. Перечень ее промышленных предприятий и других объектов, подлежащих эвакуации и ликвидации на случай отхода частей Красной армии, составил 85 единиц. Наиболее важные из них уже были подготовлены к проведению спецмероприятий. Для исполнения намеченного плана на эти объекты прибыли оперативные работники, которые должны были приступить к выводу их из строя по согласованию с военным командованием⁵⁵.

На большинстве промышленных предприятий Ворошиловградской области к демонтажу оборудования и эвакуации приступили в сентябре 1941 г. Вывоз оборудования и материальных ценностей оборонных предприятий в основном был проведен полностью, хуже обстояло дело с эвакуацией ряда других крупных промышленных предприятий. Всего требовалось 21 511 вагонов, однако НКПС на 25 ноября предоставил только 7149 вагонов, или 33,2% потребности. Из-за этого только на 26 предприятиях осталось не вывезенным 2350 единиц оборудования, 5686 тонн броневой стали, 87 444 тонны черного и цветного металла. Все это подлежало уничтожению, для чего кроме взрывов и механических поломок применяли автогенную резку, использовали кислоту и любые другие возможности для уничтожения

материальных ценностей и вывода из строя оборудования. Однако реализация спецмер на предприятиях областного центра и в ряде других городов Ворошиловградской области оказалась преждевременной, так как германские войска были остановлены на дальних подступах к Ворошиловграду, и лишь в июле 1942 г. противнику удалось полностью оккупировать территорию области. Ввиду того что указания на проведение спецмероприятий шли непосредственно из Москвы, каких-либо серьезных последствий для исполнителей не последовало.

Факты преждевременного проведения спецмероприятий особенно часты были в первые дни и недели войны, когда многие местные партийные и советские руководители проявляли растерянность и были подвержены панике. Отдельные из них бежали задолго до отхода частей Красной армии, ускоряя тем самым и проведение спецмероприятий⁵⁶. Если при этом прекращалось электро- и водоснабжение, разрушались мосты и переправы, то такие действия, объективно наносившие ущерб нашим войскам, обоснованно вызывали болезненную реакцию военных командиров. Многие из них в таких случаях стремились оперативно довести информацию о подобных фактах в вышестоящие инстанции, вплоть до членов ГКО. Одно из таких донесений ранним утром 21 августа 1941 г. поступило из Ленинграда на имя Л. П. Берии. Содержание доклада заключалось в том, что накануне противник обстреливал артиллерийским огнем г. Красногвардейск Ленинградской области, в результате чего среди горожан началась паника. Начальник райотдела НКВД капитан госбезопасности Федоров с согласия секретаря райкома партии и председателя райисполкома взорвал завод имени Рошаля, трансформаторную станцию, хлебозавод и пекарню, механический завод, телефонную станцию. Связь с Ленинградом прекратилась. Взрывы в городе усилили панику среди населения, большинство жителей покинули город. «Этот исключительно безобразный поступок явился результатом совершенно неудовлетворительного руководства райотделами со стороны Управления НКВД, — говорилось в донесении военных. — Об этом факте доложено тт. Ворошилову и Жданову. Принято решение — начальника районного отдела НКВД Федорова, секретаря райкома партии Цветкова, председателя райисполкома Абрамова и начальника милиции арестовать и предать суду военного трибунала»⁵⁷.

Это было серьезным обвинением в адрес органов НКВД, и Берия отреагировал незамедлительно. Согласно его приказу начальник Управления НКВД по Ленинградской области Н. М. Лагунов должен был арестовать начальника Красногвардейского РО НКВД Федорова и провести следствие. Заместитель наркома внутренних дел С. И. Огольцов, находившийся в то время в Ленинграде, получил указание срочно выехать в Красногвардейск, навести там порядок и одновременно укрепить местный райотдел НКВД опытным оперативным составом, создать там «крепкий чекистский коллектив» и об исполнении немедленно доложить⁵⁸.

Сутки спустя Н. М. Лагунов информировал, что указание народного комиссара внутренних дел выполнено — Федоров арестован. Кроме него арестовали представителя Управления связи, секретаря горкома ВКП(б), секретаря райкома партии и председателя исполкома. Расследованием было установлено, что 20 августа Федоров со своими подчиненными действительно покинул город, предварительно уничтожив основные объекты, однако, как оказалось, все это было сделано преждевременно под воздействием ложных слухов и паники среди населения. Выяснилось также, что информацию о приближении врага к городу Федоров получил от непроверенного источника, а в горкоме партии подтвердить или опровергнуть эти сведения не было возможности, так как все работники, включая партийных секретарей, уже сбежали. Тогда Федоров прибыл к начальнику укрепрайона генералу Крылову, который, по словам Федорова, своим неопределенным поведением укрепил его в худших предположениях о приближении врага, однако в ходе расследования Крылов категорически отрицал факт обращения к нему Федорова. Результаты быстрого расследования оказались не в его пользу: «Вместо того чтобы проверить слухи врага, а возможность была полная, задержать источника слухов, Федоров дает команду оперсоставу произвести уничтожение основных объектов, сам и аппарат вместе с руководителями советских и партийных организаций бегут из города»⁵⁹. Приведенный пример иллюстрирует не только отсутствие должного взаимодействия между территориальными органами государственной безопасности и военным командованием,

которое зачастую также не владело обстановкой, но и явное стремление военных уйти от ответственности, что порождало нездоровое межведомственное противостояние.

На основании множества подобных фактов была сделана попытка исправить положение, в результате 13 сентября 1941 г. появилась директива НКВД СССР «Об улучшении взаимодействия в агентурно-оперативной работе особых отделов и местных территориальных органов»⁶⁰. Однако должного обмена информацией и взаимной помощи добиться не удалось, ситуация практически не изменилась. Руководители НКВД, в свою очередь, также не упускали случая подобным же образом ответить военным. Так, например, старший майор госбезопасности Л. Е. Влодзимирский, откомандированный в г. Курск, и заместитель начальника Управления НКВД по Курской области капитан госбезопасности Аленцев 10 октября 1941 г. доложили, что из-за преждевременного разрушения железнодорожного узла Льгов, произведенного 6 октября по приказу командования 13-й армии, на складах осталось большое количество не вывезенного хлеба, а противник на территории Льговского района так и не появился⁶¹.

Через несколько недель начальник этого же управления Аксенов сообщил, что в ночь со 2 на 3 ноября 1941 г. Курск оставлен противнику. Личный состав Управления НКВД действовал в тесном контакте с частями 2-й гвардейской дивизии и оказывал помощь военным в обороне города и его окрестностей. По информации Аксенова, в ходе боев за Курск 2 ноября 1941 г. в 12 часов 30 минут войсковой частью преждевременно был взорван мост, соединявший восточную часть города с центром и служивший основной переправой. Безосновательная спешка с подрывом моста отрезала командный пункт от частей Красной армии и полков народного ополчения, сражавшихся в центре города и на его окраинах. Командир дивизии полковник Акименко лично расстрелял виновного в преждевременном подрыве моста. Такую картину события описал Аксенов. Как представляется, Акименко явно поспешил с расстрелом, чтобы самому не попасть под трибунал.

Намеченные планом Управления НКВД к подрыву и поджогу 40 городских объектов по согласованию с командованием дивизии и Городским комитетом обороны были уничтожены своевременно. Однако, как утверждает документ, при этом проявил трусость начальник отделения отдела кадров УНКВД Михин, в обязанности которого входили охрана, а затем подрыв телеграфа и телефонной станции. Во время напряженного боя в городе Михин сбежал, а растерявшаяся администрация объекта преждевременно в 9 часов 30 минут 2 ноября 1941 г. отдала распоряжение о поджоге объекта, тем самым затруднив связь внутри города и лишив связи с другими городами. Учитывая эти последствия, было принято решение Михина немедленно разыскать, арестовать и предать суду военного трибунала⁶².

В отличие от первых дней войны по мере накопления органами госбезопасности опыта стало больше организованности в подготовке и проведении спецмероприятий. В частности, это проявлялось в постановке конкретных задач оперативному составу, в повышении уровня взаимодействия органов госбезопасности с войсковыми командирами. Все это во многих случаях позволяло избежать грубых просчетов с тяжелыми последствиями. Ряд документов управлений НКВД отражает основные направления работы, связанные со спецмероприятиями на объектах экономики: в частности, директива Управления НКВД по Калининской области «О мероприятиях по спасению материальных ценностей при вынужденном отходе частей Красной армии» от 10 сентября 1941 г. и указание УНКВД по Краснодарскому краю начальникам районного отдела НКВД «О проведении специальных мероприятий по нефтебазам, расположенным на территории края» от 2 декабря 1942 г.⁶³ В действительности речь в названной директиве шла не столько о спасении материальных ценностей, сколько об их уничтожении и выводе из строя предприятий, которые не удавалось эвакуировать. Сотрудники НКВД должны были принять в этом личное участие в контакте и под руководством секретарей городских и районных комитетов ВКП(б), но персональная ответственность за результаты спецмероприятий возлагалась на оперативный состав и начальников городских и районных отделов (отделений) УНКВД.

Для качественной разработки плана спецмероприятий требовалось в кратчайшие сроки провести следующую подготовительную работу:

— взять на учет оборудование и ценности, которые в случае невозможности их эвакуации подлежали уничтожению или выводу из строя;

— рассчитать время, необходимое для уничтожения каждого объекта;

— определить способы оповещения исполнителей о начале действий;

— за каждым объектом закрепить оперативного работника, на которого возложить персональную ответственность за своевременное уничтожение оставленных на предприятии оборудования и ценностей;

— в помощь каждому оперработнику выделить необходимое количество проверенных коммунистов и комсомольцев, согласовать их кандидатуры с первыми секретарями городских или районных комитетов ВКП(б), принять меры, чтобы выделенные лица не были отвлечены иными поручениями и в нужный момент оказались на соответствующих местах;

— рассчитать потребности, изыскать на месте и заготовить нужное количество горючего материала и взрывчатых веществ, необходимых для поджога и/или подрыва намеченных к уничтожению объектов, оборудования и ценностей; после утверждения плана горючий материал и взрывчатые вещества разместить с таким расчетом, чтобы при необходимости они были под рукой, но место их хранения должно быть известно только начальнику городского (районного) отдела и тому оперработнику, который закреплен за объектом, подлежащим уничтожению;

— договориться с командованием воинских частей о проведении инструктивных занятий по подрывному делу с оперработниками и прикрепленными к ним членами партии.

Планы подготовки и проведения спецмероприятий должны были содержать фамилии и должности лиц, ответственных за уничтожение конкретных объектов, и непосредственных исполнителей спецмероприятий. В ряде случаев в связи с отсутствием у органов госбезопасности необходимых сил рекомендовалось ответственных лиц и исполнителей подбирать из числа проверенных, надежных работников уничтожаемых объектов, преимущественно членов и кандидатов в члены ВКП(б) и членов ВЛКСМ.

Проекты планов подлежали согласованию с районными партийными и советскими органами и только после этого могли быть утверждены начальниками ГО/РО НКВД. После согласования планов требовалось немедленно приступить к реализации подготовительных мероприятий, включая доставку на места емкостей с зажигательной смесью, инструктаж ответственных лиц и исполнителей и прочее. Подготовка спецмероприятий должна была вестись без огласки, секретно, а их начало ставилось в зависимость от обстановки, причем вывод из строя предприятий и уничтожение материальных ценностей требовалось производить в самый последний момент. Ответственным лицам надлежало принять меры к тому, чтобы не пострадало окружающее население или другие объекты, не подлежащие уничтожению. Приказ на осуществление спецмероприятий должен был исходить от местного командования Красной армии, а сигнал о начале действий — согласовываться с районными партийными и советскими органами. Начальники городских (районных) отделов НКВД были обязаны лично или через специально выделенных работников проверить результаты проведения спецмероприятий на каждом объекте или на группе объектов, указанных в плане, и доложить непосредственно начальнику Управления НКВД с указанием даты, времени, вида спецмероприятия (взрыв, поджог и т. п.) и назвать командира РККА, по распоряжению которого оборудование или ценности были уничтожены.

Масштабный план мероприятий по организации и проведению в жизнь специальных мер по выводу из строя важнейших промышленных и иных предприятий города на случай вынужденного отхода наших войск 14 сентября 1941 г. был подготовлен в Ленинграде. Ныне он широко известен как план «Д». Накануне в город с особой миссией прибыл заместитель наркома внутренних дел В. Н. Меркулов с мандатом ГКО на проведение подготовительных мероприятий на случай сдачи Ленинграда. Военный совет Ленинградского фронта, а также партийные и советские работники Ленинграда обязаны были оказывать В. Н. Меркулову всемерную помощь. По плану «Д» в общей сложности подлежало выведению из строя более 380 предприятий города, из них более 250 наиболее важных должны были взорвать в первую

очередь. Остальные внесли в списки по инициативе районных комитетов ВКП(б) или начальников районных отделов НКВД, и выведение их из строя планировалось осуществлять силами проверенных и надежных коммунистов без использования взрывчатых веществ.

Аналогичные по своей сути меры были предприняты и в связи с приближением войск вермахта к столице СССР. 8 октября 1941 г. И. В. Сталин подписал постановление ГКО о подготовке к уничтожению предприятий и других объектов в Москве и Московской области. Эта задача возлагалась на специальную комиссию в составе заместителя наркома внутренних дел комиссара госбезопасности 3-го ранга И. А. Серова (руководитель), начальника Московского управления НКВД старшего майора госбезопасности М. И. Журавлева, второго секретаря Московского горкома ВКП(б) Г. М. Попова, второго секретаря Московского областного комитета ВКП(б) Б. Н. Черноусова и начальника Главного военно-инженерного управления наркомата обороны Л. З. Котляра⁶⁴.

Список объектов, в отношении которых намечалось проведение специальных мер, включал 1119 предприятий. Они были разбиты на две категории: 412 предприятий, имевших оборонное значение, подлежали подрыву, а ликвидация 707 предприятий не оборонных наркоматов планировалась путем порчи оборудования и поджога. В общий список вошли предприятия пищевой промышленности (хлебозаводы, холодильники, мясокомбинаты и т. д.), вокзалы и прочие железнодорожные сооружения, трамвайные и троллейбусные парки, автобазы, городские и подмосковные электростанции и ряд других объектов городского хозяйства, а также здания ТАСС, Центрального телеграфа и телефонные станции. Сюда же были отнесены здания ряда наркоматов, почтамт, мосты, академии, тюрьмы, жилые и административные здания, в том числе Большой театр, гостиница «Москва», храм Богоявления в Елохове. Что касается территории Кремля, то 10 октября 1941 г. его комендант Н. К. Спиридонов в письме к И. А. Серову поставил вопрос об уничтожении водонасосной, тепловой, электрической и телефонных станций, а также бомбоубежищ. Следует иметь в виду, что планировалось уничтожение не всех зданий, а только отдельных помещений в них: например, в гостинице «Метрополь» речь шла о ресторанном зале, в театрах — сцен и т. д., то есть тех мест, где могло оказаться много оккупантов.

Для осуществления намеченных решением ГКО специальных мероприятий начали работать районные тройки и руководящие группы на фабриках и заводах. Взрывчатые вещества подвезли на объекты и сдали под охрану. В минировании объектов приняли участие и красноармейцы Кремлевского полка под руководством майора Ефименко. Только под 12 мостов города ими было заложено 22 тонны взрывчатки.

Необходимость привлечения в качестве ответственных и исполнителей спецмероприятий лиц, не являвшихся сотрудниками органов госбезопасности, требовала дополнительных организационных мер по их инструктажу и обучению. Ряд ведомств обязали разработать соответствующие инструкции, которые подлежали утверждению заместителем наркома внутренних дел СССР И. А. Серовым. Проект одной из таких инструкций — по проведению специальных мероприятий на электростанциях и подстанциях системы Мосэнерго — представил на утверждение 10 ноября 1941 г. управляющий Мосэнерго Клочков, который просил срочно рассмотреть ее и утвердить⁶⁵.

Однако делегирование ответственности нередко приводило к сбоям в реализации спецмероприятий и тяжелым последствиям. Так, в октябре 1941 г. был арестован директор московского завода № 395 Наркомата химической промышленности Громов. Его обвинили в том, что 16 октября 1941 г. он, как утверждалось, сознательно и с провокационной целью приказал исполнителям спецмероприятий уничтожить заводское оборудование, не имея на то никаких оснований. Как директор завода Громов был в достаточной степени инструктирован в отношении подготовки и исполнения спецмероприятий и хорошо знал, что команду на выполнение спецмероприятий он имел право дать только по особому сигналу от специально уполномоченных лиц. В результате самовольных действий Громова было уничтожено ценнейшее оборудование на сумму более 350 тыс. рублей. На следствии директор завода признал себя виновным в преступлении, а военный трибунал войск Московского гарнизона

приговорил Громова к расстрелу⁶⁶. Как видим, различная оценка должностными лицами степени опасности и угроз привела к трагическим последствиям.

В конце того же месяца 1941 г. был арестован начальник центрального узла связи Наркомата морского флота Березин, который, являясь ответственным лицом за выполнение спецмероприятий, 16 октября 1941 г. дал указание о разрушении передающих и приемных радиостанций, а также радиобюро и автоматической телефонной станции. Следствие установило, что Березин поддался панике, решил, что «Москва сдастся врагу», «советская власть кончается», и по своей инициативе, не имея на то никаких прав и оснований, отдал приказание уничтожить материальные ценности наркомата. После этого Березин на автомашине покинул Москву, бросив на произвол судьбы вверенное хозяйство и подчиненных. В результате были полностью разрушены передающая радиостанция в Томилино, приемная радиостанция в Вешняках, повреждены автоматическая телефонная станция, расположенная в здании НКМФ, и радиобюро. Материальный ущерб, нанесенный государству, составил более 600 тыс. рублей. Виновным в преступлении Березин себя признал, и военный трибунал Москвы приговорил его к высшей мере наказания⁶⁷.

Обращает на себя внимание, что оба руководителя понесли столь суровую кару за действия, совершенные 16 октября 1941 г., то есть в тот день, когда Москва в целом была охвачена паникой, массовыми беспорядками, и многие должностные лица покинули город, в том числе ряд директоров предприятий, прихватив заводские кассы.

Проведение спецмероприятий, которые в силу их секретности были для населения, как правило, неожиданными, отнюдь не способствовало нормализации обстановки и прекращению паники, если она уже появилась. Именно так реагировали жители г. Сталиногорска, ставшие очевидцами результатов спецмероприятий по уничтожению основных агрегатов ГРЭС: более 10 тонн взрывчатых веществ были заложены в 22 наиболее уязвимых места электростанции (котлы, турбогенераторы, масляные трансформаторы, подстанции и главный распределительный щит) и одновременно взорваны. Сила взрыва была такова, что горящее трансформаторное масло взрывной волной было выброшено на высоту до 200 метров, а в домах в радиусе до 600 метров оказались выбиты стекла. На электростанции после взрыва начался сильный пожар, а затем прогремели новые взрывы: это уничтожали химический комбинат, завод № 100, АКЗ, РГЗ и другие заводы⁶⁸. Как отмечалось выше, в ряде мест властям пришлось применить жесткие репрессивные меры против лиц, противодействовавших уничтожению объектов экономики и материальных ценностей.

Все это свидетельствует о том, что подготовка и проведение спецмероприятий проходили в сложных прифронтовых условиях, при быстро менявшейся оперативной обстановке. Следует объективно оценивать значимость результатов этих мероприятий, которые в целом сыграли положительную роль в том, что немцам не удалось, как они рассчитывали, полностью захватить и использовать экономический потенциал оккупированных территорий СССР.

Противодиверсионная защита объектов экономики

В годы Великой Отечественной войны жизненно важное значение для страны имело обеспечение бесперебойной работы объектов военной экономики, поэтому с первых дней высшее руководство страны потребовало самых решительных мер по борьбе с диверсиями. Уже 22 июня 1941 г. нарком государственной безопасности В. Н. Меркулов директивой «О мероприятиях органов госбезопасности в связи с начавшимися военными действиями с Германией» обязал оперативный состав своевременно вскрывать и пресекать любые попытки диверсий на объектах промышленности и железнодорожного транспорта.

Большую роль в организации противодиверсионной защиты военной экономики страны сыграла директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партийным и советским

организациям о мобилизации всех сил и средств на разгром германских захватчиков. Руководство Советского Союза требовало уничтожать шпионов и диверсантов, энергичными мерами укрепить тыл, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, вести беспощадную борьбу с дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов. Для партийно-государственных органов директива стала основой организаторской и идеологической деятельности, повлияла на усиление начатой к тому времени НКГБ и НКВД работы по обеспечению охраны важнейших объектов военной экономики. Следует подчеркнуть, что атмосфера всеобщей подозрительности, сформировавшаяся в 1930-е гг., сказалась на выборе неоправданно широкого круга объектов экономики, подлежащих усиленной охране в глубоком тылу, к которым реальных подрывных устремлений германских спецслужб в начальный период войны не фиксировалось.

Постановлением ГКО от 8 августа 1941 г. верховное руководство страны потребовало еще больше усилить охрану важнейших промышленных предприятий, обязало территориальные органы госбезопасности принять в этом самое непосредственное участие и предоставило дополнительные силы и средства. Например, только на объектах наркоматов авиационной, нефтяной промышленности, электростанций и «Главнефтьсбыта» численность личного состава войск НКВД увеличивалась на 10 060 человек. Во исполнение указанного постановления ГКО в тот же день появилась директива НКВД СССР «Об организации работы экономических отделов НКВД — УНКВД по оперативно-чекистскому обслуживанию предприятий оборонной промышленности», в которой указывалось, что одна из основных задач состоит в пресечении попыток вредительства, диверсии, саботажа. Находившиеся под оперативным контролем органов госбезопасности объекты экономики должны были работать без перебоев и обеспечивать стремительно возросшие потребности фронта в военной продукции.

Кроме усиления охраны особо важных объектов экономики был ужесточен режим передвижения по стране, под особым контролем находился въезд в отдельные области и города — крупные промышленные центры. Перевод областей и городов на особое положение сопровождался выселением в административном порядке лиц, признанных социально опасными, и запрещением их въезда в другие режимные местности. Одновременно был усилен пропускной режим на заводах оборонных отраслей промышленности. Во изменение паспортного режима провели перерегистрацию паспортов, у всех работающих в промышленности паспорта были изъяты, эвакуированных и беженцев переписали и взяли на учет. Одновременно с допуском к секретным работам и документам предпринимались меры по удалению с оперативно обслуживаемых объектов политически неблагонадежных лиц. Этому в немалой мере способствовало введение контроля над почтово-телеграфной корреспонденцией и телефонной связью граждан из мест расположения особо важных промышленных предприятий.

Материалы периодических проверок органами госбезопасности состояния охраны особо важных объектов и пропускного режима отражают серьезные недостатки в этой работе. Так, широко распространенным явлением были грубые нарушения служебных обязанностей личным составом военизированной и вахтерской охраны, утрата бдительности при несении службы. Территориальными органами госбезопасности принимались решительные меры по улучшению качественного состава стрелков-охранников, устранению вскрытых недостатков, однако в целом положение оставалось практически на том же уровне. Так, в начале 1943 г. в ходе одной из проверок состояния охраны уральского Кировского завода в г. Челябинск сотрудниками госбезопасности в цехах были задержаны 1670 нарушителей режима, в том числе 29 рабочих, самовольно покинувших производство, и несколько десятков человек, вообще не имеющих к объекту отношения: 11 бывших заключенных, бежавших из ИТК, 47 человек «бродяжнического элемента».

Вопросам режима многие руководители предприятий порой уделяли мало внимания. Нередко при массовом поступлении «рабочей силы» на заводах не успевали должным образом оформить пропуска, и люди ходили на работу по спискам без предъявления документов, удостоверяющих личность. В условиях, когда каждые рабочие руки были на счету, на работу

зачастую принимали людей не только вопреки отказу им в допуске органами госбезопасности, но и вообще не имеющих никаких документов. Только в течение 1942 г. на заводы имени Кирова и имени Колюшенко в Челябинске было принято без паспортов и прописки 9478 человек, на заводы № 24 и № 1 в Куйбышеве — 1100 и 800 соответственно, на завод № 70 в Москве — 911, на завод № 176 в Туле — 409, на завод № 8 в Свердловске — 356 рабочих. Интересы обеспечения фронта военной продукцией, необходимость выполнения планов любой ценой заставляли использовать непосредственно на режимном производстве не только личный состав расформированных в 1942 г. строительных батальонов и рабочих колонн, но и труд заключенных, передвижение которых по заводу не всегда удавалось регулировать в точном соответствии с инструкциями.

В связи с рядом крупных аварий с большими человеческими жертвами и материальным ущербом более чем в миллион рублей появилась директива наркома внутренних дел № 213 от 26 августа 1941 г. «Об организации противодиверсионной работы на предприятиях оборонной промышленности». Этим документом во главу угла было положено форсированное насаждение противодиверсионного осведомления на уязвимых в диверсионном отношении участках. Исходя из наличия таких мест, определялась количественная потребность в противодиверсионном осведомлении. Кроме того, ставилась задача обеспечить через осведомителей изучение работавших там лиц, в первую очередь обращая внимание на так называемый «под-учетный элемент» во всех производственных сменах. Расширение военного производства, строительство новых заводов создавало и новые производственные структуры, где согласно директивным указаниям полагалось иметь осведомителей. В наращивании их количества виделось тогда одно из решений противодиверсионной защиты объектов промышленности.

Форсирование создания массовой противодиверсионной осведомительной сети породило упрощенный подход к ее формированию, но несмотря на это, аппарат противодиверсионного осведомления удалось сформировать лишь к концу 1942 г. К этому времени противодиверсионная осведомительная сеть экономических отделов ряда территориальных управлений НКВД исчислялась тысячами человек, на каждого оперработника приходилось по несколько десятков осведомителей. Это затрудняло целенаправленную работу оперативного состава с данными секретными сотрудниками, нередко приводило к формализму.

Исполнение паспортного режима также имело существенные недостатки. Как отметил в своих циркулярах от 6 и 13 мая 1943 г. начальник Главного управления милиции НКВД СССР комиссар милиции 1 ранга А. Г. Галкин, нарушения паспортного режима носили массовый характер: в результате поголовной проверки, проведенной в январе — феврале 1943 г. в 52 областях, краях и республиках, были выявлены 222 662 нарушителя. Проверка вскрыла большую «засоренность» режимных городов «уголовно-преступным и всякого рода пришлым элементом». Комиссар милиции подчеркнул, что территориальные органы милиции поддержанием режима так, как того требует обстановка, не занимались, вследствие чего имело место огромное количество фактов многомесячного проживания по поддельным и фальшивым документам и даже вовсе без документов, удостоверяющих личность, и без прописки.

Отношение подобных руководителей к вопросам режима наиболее ярко выразил директор завода № 33 Солдатов на объединенном пленуме Молотовского областного и городского комитетов партии в декабре 1941 г.: «Мы сейчас работаем над вопросом ужесточения всего режима работы завода. Завод был проходным двором, рабочих выпускали из завода все кому не лень. Люди больше думали о картошке, чем о работе. Сейчас категорически запретили выходить с завода без личного разрешения директора завода, а ночью — без личного разрешения дежурного по заводу. Если раньше с завода уходило по одной тысяче человек, то в последнее время с завода выходит не больше пятнадцати»⁶⁹. Таким образом, режимные меры служили важной задаче недопущения ухода рабочих с завода в течение производственной смены.

Большое внимание уделялось предотвращению на объектах взрывов, аварий и пожаров. В приказе НКВД от 1 февраля 1942 г. «О пожарах в восточных областях Союза ССР» заместитель наркома Круглов обвинил пожарную охрану, которая, по его словам, на военный лад еще не перестроилась. Серьезность положения заставила ужесточить требования и поднять

их на более высокий уровень: Л. П. Берия 24 апреля 1942 г. подписал приказ «Об усилении мероприятий по противопожарной безопасности в народном хозяйстве» и потребовал укрепить пожарную безопасность оборонных предприятий, нефтебаз и железнодорожных узлов. Однако пожары случались, и довольно крупные. Более того, в ряде областей в 1942 г. по сравнению с предыдущим годом увеличилось как количество пожаров, так и размер ущерба. В Чкаловской (ныне Оренбургская) области количество пожаров возросло на 12%, а ущерб — на 10%, в Чувашской АССР и Саратовской области эти цифры были еще больше, в Московской области пожаров произошло больше на 63%, в Молотовской области размер ущерба возрос в три раза. В Куйбышевской области в 1942 г. произошло 1282 пожара, ущерб от которых составил более 4 млн рублей, 18% возгораний случилось из-за халатности на производстве.

Несмотря на усилия территориальных управлений НКВД, положение в лучшую сторону практически не менялось. В этом легко убедиться, ознакомившись с приказом НКВД от 9 марта 1943 г. «Об итогах профилактической работы органов пожарной охраны НКВД за 1942 год». В ряду наиболее неблагополучных оставались и особо важные объекты, в частности заводы № 1 и № 24 Наркомата авиационной промышленности, изготовлявшие штурмовики Ил-2. На заводах свыклились с захламленностью цехов древесной стружкой, щепой и другими отходами производства, загроможденностью лесоматериалами. На производственных участках хранилось большое количество лаков, красок и других легковоспламеняющихся жидкостей, на полу стояли лужи смазочных материалов. Из-за скопления в цехах сырья и деталей проходы через дверные проемы, подходы к пожарным кранам и местам хранения огнетушителей были затруднены.

Аналогичные нарушения имели место и на многих других заводах. Наиболее опасными по последствиям были нарушения на предприятиях Наркомата боеприпасов: несоблюдение технологического процесса и правил техники безопасности приводило к пожарам и взрывам с большими человеческими жертвами. Один из таких случаев произошел в середине 1942 г. на заводе № 401, в результате погибли 13 человек, материальный ущерб составил 400 тыс. рублей. Оборудование основных цехов было уничтожено, завод полностью вышел из строя. В ходе расследования выяснилось, что в цехе, где возникло загорание, систематически скапливалось большое количество готовой продукции, и к моменту пожара только на одном участке находилось 30 тонн термита вместо допустимых одной-двух тонн. В цехе была временная электропроводка, не отвечающая элементарным требованиям пожарной безопасности. Администрация цеха, пожарный надзор и рабочие неоднократно требовали от руководства завода заменить ее, но никаких мер не принималось. На этом основании должностные лица — главный инженер, главный энергетик и мастер электроотдела — были немедленно арестованы.

В реальной ситуации того времени интересы текущего момента заставляли руководителей поступать вопреки предупреждениям органов государственной безопасности о неблагополучном положении дел, что приводило к тяжелым последствиям. Так, в докладной записке УНКВД по Куйбышевской области в местный обком ВКП(б) начальник управления майор госбезопасности Блинов совместно с начальником ЭКО капитаном госбезопасности Черденченко указали на ряд взрывов и пожаров на заводе № 15 Наркомата боеприпасов, происшедших в период с октября 1941 по январь 1942 г. Анализ показал, что пожар и несколько взрывов с гибелью 17 рабочих и материальным ущербом более 400 тыс. рублей произошли именно там, где, как отмечалось ранее, имели место нарушения технологии и техники безопасности. В августе 1942 г. Управление НКВД по Куйбышевской области вновь направило в обком ВКП(б) спецсообщение о грубых нарушениях технологии на том же заводе № 15. Через несколько месяцев в тот же адрес ушел еще один документ о нарушениях техники безопасности на упомянутом заводе и на заводе № 309 Наркомата боеприпасов, расположенном в непосредственной близости от первого. Отмечалось, что помещения, где начинялись взрывчаткой реактивные снаряды М-8 и противотанковые гранаты, не отвечают требованиям инструкций: при наличии четырех тонн взрывчатых веществ расстояние до тротилового

производства было в четыре раза ближе допустимого. Из-за отсутствия складов продукция хранилась на территории цехов, которые оказались забиты боеприпасами.

В марте следующего года в обком партии поступило очередное сообщение по этим же заводам: по-прежнему небрежное обращение с взрывчатыми веществами создавало серьезную угрозу безопасности объектов. В том же месяце в партийный орган был направлен еще один документ о нарушениях технологии и выпуске брака на заводе № 309. Сообщалось, что директор Вашнев в течение двух месяцев четыре раза ставился в известность о несоблюдении технологического процесса, но мер никаких не принял. На расположенных по соседству заводах № 15 и № 309 практически повседневно нарушались технология, правила техники безопасности и противопожарных предписаний, сроки ремонта изношенного оборудования. Только по двум мастерским завода № 15 в течение года было зарегистрировано 21 отклонение от технологии, по цеху № 7 — 48 нарушений правил техники безопасности. В акте технической комиссии Наркомата боеприпасов по этому заводу зафиксировано 14 002 «противопожарных недочета».

Непринятие мер по устранению недостатков привело к трагедии. 16 февраля 1944 г. произошел взрыв на заводе № 15 в г. Чапаевск. В специальной справке, подготовленной по случаю взрыва говорилось: «На оборонных заводах № 15, 309 и в городе убито 63 человека, не найдено 27 человек и ранено 310 человек». 18 очагов пожаров удалось ликвидировать лишь через пять часов, 65 производственных зданий оказались разрушенными. Ущерб, нанесенный заводу и городу, составил почти 20,7 млн рублей. Виновниками гибели людей и материальных ценностей были признаны 10 работников завода во главе с директором и главным инженером. Из сотрудников Управления НКГБ на этот раз никто наказан не был — видимо, спасло обилие ранее направленных докладных записок и спецсообщений по взлетевшим на воздух заводам. Информация в партийные и иные вышестоящие инстанции считалась конечным результатом работы даже в тех случаях, если негативные проявления практически оставались неизменными. При сложившейся тогда ситуации экономическая целесообразность как бы запрограммировала случившуюся катастрофу.

Как показывает анализ архивных материалов, причины взрывов, пожаров и аварий не были связаны с реальной подрывной деятельностью противника, а являлись следствием бесхозяйственности, грубейших нарушений правил техники безопасности, преступной халатности или эксплуатации устаревшего и пришедшего в негодность оборудования. Выполняя свои задачи, органы государственной безопасности стремились снизить реальную опасность чрезвычайных происшествий, накапливали опыт работы и улучшали качество руководства секретными сотрудниками и осведомителями — «противодиверсионниками». Благодаря конкретным и целенаправленным инструктажам многие из них были готовы правильно и, что особенно важно, самостоятельно действовать в сложных ситуациях, в экстремальных условиях. От осведомителей стали поступать донесения о фактах, которые ранее ими как предпосылки к чрезвычайным происшествиям не расценивались.

Так, в 1942 г. осведомители ЭКО УНКВД по Горьковской области лично предотвратили 38 аварий из 104, которых удалось избежать по их же сигналам. В том же году по информации противодиверсионного осведомления ЭКО УНКВД по Куйбышевской области были приняты меры и предотвращены 29 взрывов, 17 пожаров, 26 аварий и 41 поломка оборудования. Органам государственной безопасности всем этим приходилось заниматься, так как даже незначительные аварии и поломки оборудования порой настолько сбивали ритм производства, что ставили под угрозу срыва выполнение заданий ГКО.

Руководство центральных и местных партийных органов и органов НКВД вопреки реальности не сомневалось, что агенты германских спецслужб в советском тылу активно действуют. Иные мнения подвергались резкой критике, решительный и беспощадный отпор получали рассуждения об отсутствии агентов врага на той или иной территории. Отсутствие фактов диверсий, вредительства и террористических актов как аргумент безапелляционно отвергалось. Следуя рекомендациям Л. П. Берии, работники Наркомата внутренних дел зачастую оказывали неприкрытое давление на сотрудников местных управлений НКВД и

ради получения нужных показателей требовали решительных действий, которые вступали в противоречие с законом. Так поступали не только его заместители Кобулов и Круглов, но и их подчиненные. Например, заместитель начальника ЭКУ НКВД СССР Д. Г. Родионов, будучи в Свердловске, руководил расследованием крупной аварии в системе «Уралэнерго», обесточившей на несколько часов большое количество оборонных предприятий. При заведении уголовного дела по факту аварии он настоял, чтобы расследование велось по статье 58-9 УК РСФСР (диверсия). Следователю Титову, который намеревался возбудить уголовное дело по статье 111 УК РСФСР (халатность) и проявил при этом принципиальность, Родионов выразил политическое недоверие, обернувшееся вскоре исключением из ВКП(б) и увольнением из органов НКВД. Материалы по факту аварии передали другому следователю, и тот выполнил, что от него требовалось: на допросах получил от обвиняемого «признательные» показания о группе работников «Уралэнерго», которые, как записано в протоколе допроса, длительное время занимались диверсиями в системе электроснабжения.

Как в этом, так и во многих аналогичных случаях сказывалось влияние обозначившейся в правовой практике военного времени тенденции перекалфикации приобретающих повышенную социальную опасность административных и дисциплинарных проступков в уголовные преступления. Устойчивой тенденцией можно считать и ужесточение санкций за неосторожность работников промышленности и транспорта при наступлении тяжелых последствий, которые виновный хотя и не предвидел, но мог и должен был предотвратить. В постановлении от 12 февраля 1942 г. пленум Верховного суда СССР подчеркнул, что причиненный ущерб государству, государственным предприятиям является существенным обстоятельством при оценке общественной опасности преступления и должен соответствующим образом влиять на определение судом меры наказания. Более того, под влиянием судебной практики и толкования законодательства тяжесть наступивших (или возможных) последствий преступления из отягчающего вину обстоятельства превращалась в существенный признак, образующий состав контрреволюционного преступления. По статье Уголовного кодекса о диверсии, а также за «диверсионные намерения» привлекали к ответственности в тыловых регионах, где была сосредоточена подавляющая часть производства военной продукции, а люди и оборудование работали на износ. Именно там чаще уголовная ответственность за взрывы и пожары наступала по статье Уголовного кодекса о диверсии.

Поэтому, анализируя материалы противодиверсионной работы, следует иметь в виду большую роль субъективного фактора при оценке юридических фактов, которые в условиях военного времени квалифицировались как диверсия. Если в результате репрессий производительность труда возрастала, то вместе с этим в партийно-государственных органах росла уверенность в наличии «злой воли», которая ранее мешала нормальному развитию производства. Эта уверенность побуждала все шире использовать репрессивные методы для решения производственных задач. Иными словами, борьба с диверсиями являлась формой привлечения правоприменительных органов к реализации мер по обеспечению бесперебойной работы объектов военной экономики, по повышению ответственности должностных лиц за положение дел на порученных им участках производства в целях максимального увеличения количества выпускаемой продукции для обеспечения потребности Красной армии и страны в целом. С учетом этого большинство уголовных дел по диверсии к настоящему времени пересмотрены, а репрессированные по ним лица реабилитированы.

Борьба с антисоветской агитацией

Морально-патриотическое состояние тыла во многом предопределяло эффективность работы объектов военной экономики СССР. Доверие граждан к высшему политическому руководству страны в условиях крайнего напряжения физических и духовных сил являлось

существенным фактором производительного труда и полноценного снабжения фронта, и этому обе воюющие стороны придавали огромное значение.

Нацистская Германия имела мощную пропагандистскую машину и накопила значительный опыт ведения психологической войны. Идеологические акции противника были направлены на возбуждение пораженческих настроений, расслабление воли людей, подстрекательство их к антипатриотическим проявлениям и государственным преступлениям. Для достижения этих целей использовались значительные силы и средства. Специальные подразделения вели антикоммунистическую, антисоветскую и пораженческую пропаганду через линию фронта с использованием звукоусилительных установок. На языках народов СССР печатались листовки, которые с самолетов разбрасывались над советской территорией. Такое распространение пропагандистских материалов практиковалось одновременно с нанесением бомбовых ударов по крупным промышленным центрам.

Так, после первого же налета на Москву нацистские листовки были обнаружены в Москворецком, Таганском и Тимирязевском районах столицы. Не все листовки удавалось собрать и уничтожить, в некоторых случаях их не только успевали прочесть, но и передать или отправить по почте знакомым. Распространителями дезинформации и панических слухов в тылу, зачастую того не сознавая, становились лица, которые подверглись непосредственному воздействию вражеской пропаганды: военнослужащие с передовой и граждане из прифронтовой полосы или после своего временного пребывания на оккупированной территории. Другим источником неофициальной информации являлось германское радиовещание, благодаря которому даже самый глубокий тыл СССР был досягаем для пропагандистских акций противника.

В связи с этим уже 25 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств», которым обязало в пятидневный срок сдать аппараты индивидуального и коллективного пользования в органы Наркомата связи. Учреждениям, предприятиям, радиоузлам, клубам, ленинским уголкам и общественным организациям разрешалось иметь радиоприемники исключительно для коллективного прослушивания в строго определенные часы. Настройка таких приемников фиксировалась на частоте московской радиостанции, и аппараты опечатывались. Для лиц, не сдавших в установленный срок аппаратуру, Политбюро ЦК ВКП(б) установило уголовную ответственность «по закону военного времени». Органы наркоматов внутренних дел и государственной безопасности должны были оказать необходимое содействие Наркомату связи и наблюдать за выполнением этого постановления. В тот же день партийный нормативный акт был дублирован постановлением СНК СССР № 1750, а наркомы Л. П. Берия и В. Н. Меркулов совместным приказом НКВД — НКГБ от 27 июня 1941 г. потребовали нацелить агентурно-осведомительную сеть на выявление радиоаппаратуры и лиц, уклоняющихся от ее сдачи. Случаи уклонения от сдачи радиоприемников и радиопередающих устройств должны были квалифицироваться по статье 59-6 УК РСФСР и соответствующих статей уголовных кодексов других союзных республик как невыполнение государственных повинностей в военное время.

Население таким образом ограждалось от любой неофициальной информации. Прослушивание зарубежной радиопрограммы, независимо от содержания, расценивалось как преступное деяние. Опираясь на возможности НКВД — НКГБ, партийные органы на местах энергично провели изъятие радиосредств, находившихся в индивидуальном пользовании как в квартирах, так и в служебных кабинетах у всех без исключения лиц, независимо от должности. Полного доверия не было даже руководителям относительно высокого ранга. Например, в одном из сельских районов Свердловской области районный прокурор Шевченко в присутствии председателя и секретаря районного совета депутатов трудящихся, редактора районной газеты и участкового милиционера, находившихся вместе с ним в командировке, слушал немецкую радиостанцию в ночь с 13 на 14 сентября 1941 г., а уже 17 сентября судьба этих людей решалась в обкоме ВКП(б): о происшедшем партийного секретаря официально информировал начальник Управления НКВД по Свердловской области. Шевченко был

исключен из партии, а его «соучастники» получили по выговору с занесением в личные дела. Так, невзирая на лица, в условиях военного времени работал аппарат органов государственной безопасности, оперативно и решительно реализуя руководящие указания. Следуя им, начали изымать и радиоприемники коллективного пользования.

Согласно постановлению ГКО от 6 июля 1941 г. усилился политический контроль над почтово-телеграфными отправлениями. Чтобы не допустить разглашения государственных и военных тайн и распространения «всякого рода антисоветских, провокационно-клеветнических и иных сообщений», направленных во вред государственным интересам СССР, Наркомат государственной безопасности был обязан организовать стопроцентный просмотр писем и телеграмм, идущих из прифронтовой полосы. В областях, объявленных на военном положении, в отношении всей входящей и исходящей почтово-телеграфной корреспонденции действовала военная цензура. В дальнейшем усиление контроля над перепиской распространилось и на другие территории советского тыла.

Таким образом, благодаря организации сбора и уничтожения разбрасываемых с самолетов вражеских листовок, повсеместному изъятию радиоприемников и жесткому контролю над почтово-телеграфными отправлениями основные каналы подрывной пропаганды противника или были полностью перекрыты, или значительно ослаблена их эффективность. Убедившись путем опроса военнопленных красноармейцев в отсутствии идеологического воздействия на значительные массы советских людей, работа спецрадиостанций «черной» пропаганды, вещавших на русском языке, немцами была прекращена. Пропагандистский аппарат был переориентирован на идеологическую обработку населения захваченных территорий СССР и красноармейцев на передовой.

В то же время советской официальной пропагандой реальное положение дел на фронте либо замалчивалось, либо значительно искажалось. Ограничение, дозирование или полное запрещение объективной информации диктовалось государственными интересами и практиковалось всеми ведомствами. Так, в конце июля 1941 г. заместитель наркома авиационной промышленности А. И. Кузнецов своим приказом категорически запретил вести разговоры об ущербе и жертвах вражеских бомбардировок объектов наркомата. Иногда такие сведения объявлялись предметом устремлений германской разведки, и за их распространение карали как за разглашение секретных данных⁷⁰.

Сотрудникам средств массовой информации приходилось считаться с обширным перечнем сведений, не подлежащих разглашению, и жестким контролем со стороны цензуры. Мобилизация духовных сил народа на отпор врагу нередко шла путем создания иллюзий нормального хода событий.

К осени 1941 г. из пользования были изъяты не только индивидуальные радиоприемники, но и многие коллективные. К тому же в ряде областей около 16% радиоузлов было неисправно, а остальные работали лишь по два-три часа в сутки. Из-за этого, как отмечалось в одном из документов ЦК ВКП(б), население Тамбовской, Пензенской, Рязанской, Горьковской и Вологодской областей лишилось возможности слушать информацию из Москвы. Во многих областях сложилась такая же ситуация⁷¹.

Некоторые секретари обкомов ВКП(б) вынуждены были признать, что в первые военные месяцы партийно-политическая работа в прежних ее формах оказалась запущенной, а работать в массах новыми методами партийный аппарат был не готов. Одна из причин — собственная неосведомленность. На одном из заседаний бюро Свердловского обкома ВКП(б) в октябре 1941 г. констатировалось, что на заводе № 56, «не получая своевременной и правильной информации о событиях на фронте, значительная часть рабочих и служащих питаются в отдельных случаях ложными слухами»⁷². Даже секретари обкомов ВКП(б) и многие члены ЦК партии не знали истинной обстановки, на что и сослались на встрече в Москве с А. А. Андреевым и Г. М. Маленковым в начале октября 1941 г. По согласованию с И. В. Сталиным секретариат ЦК ВКП(б) подготовил соответствующие данные и вооружил ими местных партийных руководителей.

ИЗВЕЩЕНИЕ.

Фамилие Имя Отчество..... *Савин Валентин Дим.*
 Адрес..... *М. Тарского 1.*

На основании постановления СНК СССР, от 25-го июля 1941 года, Вам предлагается немедленно не позже 30-го июля 1941 года сдать ваш радиоприемник в радиопункт Ленина 70, на временное хранение. Не сдача будет рассматриваться по закону военного времени.

Начальник Каменского отделения связи: *Век* Меливерто

Извещение о необходимости сдать радиоприемник на основании Постановления СНК от 25 июля 1941 г.

КАМЕНСКАЯ КОНТОРА СВЯЗИ РОСТ. ОБЛ.

КВИТАНЦИЯ № 61

Выдана т. *Савину* имя *Валентин* отчество *Димитрий*
 Проживающего по *М. Тарского 1/1*

В том что от него принят на хранение *радиоприемник*

Приемник тип *КВ-1 самодельный без антенны*

Передача тип *Савин*

1941 года Начальник связи *Век*

Савин

3214—41 г.

Квитанция о принятии на временное хранение приемника

Кто были ваши порабитители?

Кто залил вашу землю потоками слез и крови?

Жиды и их приспешники-коммунисты!

Кто снял с вас последнюю рубашку? Кто выжал из вас последние соки?

Жиды и их приспешники-коммунисты!

Кто вывез весь хлеб из ваших амбаров и заставил вас голодать?

Жиды и их приспешники-коммунисты!

Кто доносил на вас, кто высылал вас с насиженных мест, обрекая вас этим на голодную смерть?

Жиды и их приспешники-коммунисты!

Кто аживно гноил вас в концлагерях и тюрьмах?

Жиды и их приспешники-коммунисты!

Кто замучил в застенках НКВД миллионы ваших отцов, матерей, ваших мужей, жен и детей?

Жиды и их приспешники-коммунисты!

Не забывайте никогда!

Что жиды — это злейшие враги вашего народа!

Что жиды проповедают коммунизм лишь для того, чтобы добиться для себя мирового владычества.

Интернационал — это власть жидов.

В Советском Союзе, а также и в капиталистических государствах вся власть находится в руках жидов.

Жиды-капиталисты объединились с жидами коммунистами и борются с государством истинной свободы и настоящего социализма — Германией.

Немецкая листовка

етский Союз — царство жидов. Сталин — только лавеска, а за его спиной прячутся все эти Кагановичи, Гобельсоны, Финкельштейны и прочий жидовский кагал. Чтобы обмануть вас, они скрываются под русскими фамилиями.

Не забывайте никогда!

Что жидовская пропаганда врала вам, говоря, что Советский Союз — рай трудящихся. На самом деле там царил самая вопиющая социальная несправедливость.

В Советском Союзе царил государственный капитализм — самая ужасная форма капитализма.

Под гнетом этого государственного капитализма изнемогали от непосильного труда рабочие и крестьяне Советского Союза.

Жиды и их приспешники-коммунисты жестоко эксплуатировали трудящихся Советского Союза, а сами вели разгульную и привольную жизнь.

Теперь настал конец этой жидовской эксплуатации и обману.

Адольф Гитлер, сам сын рабочего

освободил германских рабочих и крестьян от кровавой жидовской эксплуатации.

Он спас их, предотвратив нападение на Германию жидовского холопа и убийцы — Сталина.

Адольф Гитлер прогнал жидов и их приспешников-коммунистов.

Помогайте всеми силами устранять скорее последствия этой несчастной войны. Вас ждет счастливая жизнь.

**Пойдем все за Адольфом Гитлером
к лучшему будущему, к новой
счастливой жизни!**

О качестве пропагандистских материалов, с которыми идеологи и представители властей шли в массы, можно судить по следующим фактам. В ноябре 1941 г. секретарь Горьковского ГК ВКП(б) Юрасов в докладе на пленуме горкома партии вслед за И. В. Сталиным, выступившим в годовщину Октября в Москве, повторил, что за четыре месяца войны враг потерял убитыми, ранеными и пленными 4,5 млн человек, и на основании этого заключил: «В значительной мере гитлеровская военная машина сейчас уже надломлена»⁷³. Год спустя на пленуме Куйбышевского обкома ВКП(б) начальник местного Управления НКВД Блинов «довел» потери противника до 10 млн человек⁷⁴. Если принять во внимание, что безвозвратные людские потери вооруженных сил Германии на советско-германском фронте за всю войну составили 6 млн 46 тыс. человек, включая умерших от болезней, погибших в результате происшествий, несчастных случаев и прочего, а с учетом санитарных потерь — 13,7 млн человек⁷⁵, то становится очевидным масштаб дезориентации общественного сознания.

Вскоре после сталинского выступления по радио 3 июля 1941 г. секретари Центрального комитета и обкомов ВКП(б) начали требовать решительной борьбы с «болтунами и шептунами». Влияние партийных установок ощущал каждый оперативный работник. Собрание коммунистов УНКВД по Челябинской области 16 октября 1941 г. приняло резолюцию, в которой говорилось: «Враг старается вызвать панику, неуверенность. Он засылает для этого своих агентов-provokаторов... Фашистские агенты распространяют всякие небылицы, панические слухи, стремятся сеять национальную рознь, вербуют шептунов и provokаторов»⁷⁶. Искаженные оценки реальных фактов вели к усилению репрессий на местах, нередко с нарушениями законности.

В условиях войны особую социальную опасность представляли призывы к забастовкам и расправам над коммунистами. Распространение анонимных листовок, писем и надписей с такими призывами фиксировалось в промышленных городах и даже непосредственно в цехах промышленных предприятий. Но в других случаях, которых было большинство, в анонимных проявлениях лишь отражалось реальное бедственное положение людей, резко критиковались местные и центральные органы власти за неспособность защитить интересы народных масс. Тем не менее распространение и таких анонимных документов квалифицировалось как контрреволюционное преступление, их авторы подлежали оперативному розыску и уголовному наказанию за контрреволюционную пропаганду. Однако удельный вес этой категории арестованных с каждым годом снижался, всего за военный период за антисоветскую агитацию и пропаганду территориальными органами госбезопасности были арестованы 131 178 человек. Анализируя статистику арестов, необходимо обратить внимание в первую очередь на негативные стороны общественно-политической жизни военного времени, так как именно там кроются реальные причины социальных проявлений, на выявление, предупреждение и пресечение которых были ориентированы органы государственной безопасности.

Возрастание различного рода трудностей в тылу объективно было связано с экстремальными условиями военного времени. Обстановка требовала значительного увеличения производства продукции для фронта и неизбежно вела к усилению физических и моральных нагрузок трудящихся. Лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» стал непреложным законом работы в тылу. Принцип «Достичь цели любой ценой» был возведен в абсолют, зачастую в ущерб жизненно важным интересам граждан, без учета резкого снижения их жизненного уровня. К лету 1942 г. продовольственные затруднения стали ощутимы не только в городах, но и в сельской местности тех областей, где было размещено большое количество эвакуированных. Это являлось дополнительным фактором социальной напряженности.

Положение усугублялось широкомасштабной бесхозяйственностью и хищениями. О тысяче тонн сгнившего при хранении зерна идет речь только в одном спецсообщении УНКВД по Куйбышевской области, направленном в местный обком ВКП(б). Десятки пудов зерна исчезали, порой бесследно, с пунктов заготовки и хранения, сотни тонн хлеба в ряде областей расходились помимо официальных каналов реализации. Перерасход хлеба был тесно связан с преступными махинациями, разбазариванием, так называемым «самоснабжением»

должностных лиц и спекуляцией. Все это сокращало и без того скудные запасы продуктов, оставляемых в тылу на собственные нужды после обязательного выполнения государственных поставок. Как результат — перебои снабжения хлебом, произвольное сокращение местными властями хлебных норм в полтора-два раза, что вызывало негативную реакцию в трудовых коллективах. Даже заводская столовая не была гарантированным источником питания. Дело в том что к заводским столовым прикреплялись лица, к заводам никакого отношения не имеющие, обмеры и обвесы чередовались с исчезновением сотен килограммов мяса, масла, жиров, сахара, хлеба и других продуктов. Поэтому порции произвольно сокращались, и порой часть рабочих возвращалась в цеха, вообще ничего не получив в столовой. Подобные факты вызвали наиболее острое недовольство трудящихся. Заметное влияние на их политические настроения оказывало и отсутствие нормальных жилищно-бытовых условий в промышленных городах, население которых после размещения эвакуированных резко увеличилось.

Во исполнение указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» некоторые руководители вместо тщательного изучения причин каждого нарушения производственной дисциплины вставали на путь жесткого администрирования, зачастую необоснованного привлечения рабочих к уголовной ответственности.

Картина оперативной обстановки в тылу будет неполной, если оставить без внимания «неблагонадежные элементы», которых по политическим мотивам переводили из Красной армии в строительные батальоны или через военкоматы направляли в многочисленные рабочие колонны. Отношение к ним ответственных руководителей не было однозначным: с одной стороны — использование стройбатовцев позволяло порой достигать высоких результатов в строительных работах штурмовыми методами, но с другой — труд этих десятков тысяч людей, заведомо поставленных в значительно худшие по сравнению с другими рабочими материальные и бытовые условия, носил наиболее выраженный принудительный характер. В силу этого в большинстве своем он не был эффективным и, главное, постоянно сопровождался выражением рабочими недовольства своим положением. Именно последнее обстоятельство в значительной степени определяло к ним отношение: командиры производства шли на применение этой в большинстве своем малоквалифицированной рабочей силы только из-за безвыходного положения в связи с нехваткой рабочих рук. На всех уровнях руководства считалось, что личный состав строительных батальонов и рабочих колонн не внушает политического доверия. Здесь, видимо, сказывалось то обстоятельство, что личный состав стройбатов и рабочих колонн иногда на 85% состоял из лиц, до 1939—1940 гг. проживавших за пределами СССР, имевших за рубежом родственные и иные связи. Этого в то время было достаточно, чтобы безапелляционно утверждать о наличии фашистской агентуры, которая «вклинилась на оборонные предприятия». Отсюда логически вытекала необходимость «оперативно-чекистского обслуживания» этой принудительно-трудовой армии. Приказом НКВД СССР от 26 ноября 1941 г. новую линию оперативной работы Л. П. Берия возложил на секретно-политические отделы, которым предоставлялись дополнительные штаты.

Трудности и лишения военного времени подавляющее большинство трудящихся переносило мужественно и терпеливо. Проявления недовольства рабочих и служащих были бы абсолютно незначительными, если бы не сказывались некоторые субъективные факторы. Прежде всего необходимо отметить, что в повседневной работе сотрудники органов государственной безопасности сталкивались с многочисленными фактами бездушного отношения к согражданам со стороны государственных и партийных чиновников. Особенно негативно воспринимались трудящимися действия должностных лиц, формально носившие законный характер. В таких случаях недовольство переносилось с конкретного бюрократа на всю социально-политическую систему. Территориальные органы государственной безопасности систематически получали тревожащие их сведения о фактах и проявлениях с «возможными политическими последствиями», и такая информация потоком шла в инстанции, но обстановка в лучшую сторону менялась недостаточно быстро. В деятельности районных,

городских и областных исполкомов Вологодской, Куйбышевской, Пензенской, Рязанской, Свердловской, Челябинской, Чкаловской областей и некоторых автономных образований РСФСР сотрудниками органов госбезопасности были вскрыты грубейшие нарушения законов при назначении пособий и льгот семьям красноармейцев. Необоснованные отказы в ходатайствах, волокита, занижение размеров пособий для одних и завышение для других, непредоставление льгот по налогам, госпоставкам и квартплате, применение незаконных санкций — вот далеко не полный перечень поводов для жалоб и предпосылок антисоветских проявлений. Злоупотребления должностных лиц воспринимались трудящимися поначалу как извращения политики партии и правительства, и в совокупности с резким обострением материальной нуждемости вызвали значительное возрастание количества личных писем родным и знакомым фронтовикам с жалобами на эти извращения и на представителей местной власти.

О масштабах нарушений законодательства в отношении семей военнослужащих можно судить по следующему факту: в Куйбышевской области с 5 февраля по 5 марта 1942 г. в почте почтовой корреспонденции было зафиксировано и конфисковано 231 письмо родственникам-красноармейцам с жалобами на непредоставление льгот и пособий. Жалобы эти носили семейно-бытовой характер, практически не могли улучшить положение их авторов, да и достичь адресатов могли только в случаях недобросовестности или невнимательности контролера службы политического контроля или невозможности обеспечить стопроцентный контроль над почтовыми отправлениями. Но и официальные обращения к властям были малополезными для заявителей: из центральных инстанций жалобы, как правило, возвращались на места — к тем, на кого жаловались. Проверка, естественно, заканчивалась неподтверждением фактов или частичными мерами для отписки наверх. Значительная часть жалоб рассматривалась с грубейшими нарушениями сроков или не рассматривалась вовсе.

Произвол местных властей проявлялся и в решении хозяйственных задач. Широко практиковались разного рода мобилизации и дополнительные виды трудовой повинности. Делалось все это на основании постановлений исполкомов местных Советов, которые совершенно произвольно вводили ответственность «по законам военного времени» за неисполнение своих нормативных актов. Как подчеркнул в апреле 1942 г. в циркулярном письме заместитель председателя СНК РСФСР А. А. Пекшев, местные органы власти грубо нарушали права и законные интересы граждан. Именно этими действиями провоцировались антисоветские проявления. В конце концов, 10 августа 1942 г. СНК СССР был вынужден принять специальное постановление о порядке привлечения граждан к трудовой повинности, в соответствии с которым в местностях, не объявленных на военном положении, она могла вводиться только по постановлению СНК СССР.

Несмотря на ужесточение законодательства, должностные преступления продолжали носить распространенный характер. Территориальные органы государственной безопасности вскрывали многочисленные факты злоупотреблений служебным положением и информировали о них местные комитеты ВКП(б). Семейственность, пьянство, моральное разложение, грубость, поборы, косвенное и прямое участие в преступных махинациях, хищениях и спекуляции — далеко не исчерпанный перечень, убедительно свидетельствующий, что перерождение части номенклатурных кадров произошло задолго до Великой Отечественной войны, а в ее ходе лишь проявилось со всей очевидностью. Опираясь на множество фактов, можно проследить взаимосвязь: там, где переродившиеся номенклатурные кадры возглавляли партийно-государственные органы и общественные организации, идеологическая работа оказывалась запущенной, производительность труда снижалась, связь с массами утрачивалась и фиксировались так называемые «антисоветские» проявления со стороны рабочих и служащих.

Исходя из объективной оценки обстановки многие оперативные работники и их начальники считали, что беспощадная борьба с конкретными должностными лицами, извращавшими суть политической работы и злоупотреблявшими служебным положением, является одним из важнейших условий победы над врагом. На деле, однако, одержать верх над этими

«носителями извращений» было не так-то просто. Круговая порука среди них оказывалась порой настолько мощной, что борьба с должностными преступлениями была практически парализованной, а усилия в интересах дела повлиять на оперативную обстановку сводились на нет и почти полностью исчерпывались информацией в партийные инстанции. Другого механизма реализации возможностей органов госбезопасности не существовало.

Обобщая материалы по антисоветской агитации и пропаганде, следует особо подчеркнуть, что с самого начала и в ходе Великой Отечественной войны органами госбезопасности фиксировался переход на патриотические позиции значительной части лиц, которые находились в поле зрения органов госбезопасности как антисоветские элементы. В связи с этим почти во всех органах госбезопасности имело место прекращение агентурных разработок. Зафиксированы не единичные случаи, когда объекты этих разработок, перешедшие на патриотические позиции, в дальнейшем проявляли себя только положительно и за свой самоотверженный труд награждались орденами и медалями.

Обеспечение ритмичности и безопасности работы оборонных предприятий

Постановлением ГКО «Об охране важнейших промышленных предприятий» от 8 августа 1941 г., а также директивами НКВД от 8 и 26 августа 1941 г. особое внимание обращалось на обеспечение бесперебойной работы объектов оборонных отраслей промышленности: авиастроения, боеприпасов, вооружений, станкостроения, танкостроения, электростанций, нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, резиновой и химической промышленности, а также органов связи. Исходя из главной задачи — безусловного выполнения производственных программ, результатом и целью работы оперативного состава стали участие в организации изготовления и поставок военной продукции фронту, содействие бесперебойной работе промышленных предприятий и транспорта, осуществление контроля над ходом выполнения производственных заданий ГКО и СНК СССР. Вся эта работа в военное время приобрела особое значение.

Задача осложнялась тем обстоятельством, что многие заводы должны были в кратчайшие сроки освоить новые виды необходимых фронту изделий, полностью перейти на выполнение военных заказов, среди которых было множество особо срочных и важных, в том числе по восстановлению прерванных эвакуацией или налаживанию новых производственных связей. В этих условиях роль оперативных подразделений органов государственной безопасности заключалась в контроле над ходом производства военной продукции, транспортировкой остродефицитных материалов, сырья, комплектующих изделий и других особо важных грузов. Вводилась личная ответственность оперативных работников за деятельность обслуживаемых ими объектов экономики, успешную реализацию заданий ГКО и правительственных заказов. В этих же целях практиковалось создание специальных оперативных групп.

Об огромном напряжении, с которым приходилось работать оперативному составу в первые военные месяцы, говорит следующий факт: в экономический отдел УНКВД по Горьковской области из Наркомата внутренних дел в среднем каждые три дня поступала очередная телеграмма с требованиями о принятии самых решительных мер по вопросам, связанным с выпуском оборонной продукции, транспортировкой деталей, заготовок, металла и других грузов. Просьбы аналогичного содержания из территориальных органов НКВД поступали в еще большем количестве. Выполняя соответствующие приказы и указания, оперативный состав был вынужден вмешиваться в производство. Недостаточно энергичная работа по контролю над производственным процессом становилась предметом острой критики со стороны руководителей подразделений и центрального аппарата НКВД.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-1сс.

от " 1 " июля 1941 г. Москва, Кремль.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА СРЕДНИХ ТАНКОВ Т-34 НА ЗАВОДЕ
"КРАСНОЕ СОРМОВО".

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать Наркомсудпром - т.Носенко:
 - а) немедленно приступить на заводе "Красное Сормово" к производству средних танков Т-34. Выпуск танков начать с 1.1Х.1941г.;
 - б) немедленно приступить на Кулебакском заводе к производству бронелистов для танков Т-34. Подачу бронелистов заводу "Красное Сормово" начать с 1.УШ.1941г.
2. Обязать Наркомсредмаш - т.Малышева немедленно приступить в цехе авиамоторов Горьковского автозавода к производству авиамоторов М-17. Выпуск авиамоторов М-17 начать с 1.1Х.1941г.
3. Разрешить Наркомсудпрому устанавливать на танках Т-34 авиамотор М-17.
4. Обязать Наркомсредмаш - т.Малышева к 10 августа с.г. закончить испытания мотора М-17 работой на гавоиле. При положительных результатах перевести работу мотора М-17 на гавоиле.
5. Обязать Наркомчермет - т.Тевосяна обеспечить бесперебойную подачу слитков броневой стали с Выксунского завода Кулебакскому заводу НКСП в количествах, обеспечивающих выполнение программы по броне.
6. Установить, что во всех расчетах о производстве танков, авиамоторов и брони исходить из программы выпуска танков Т-34 в 1941г. 700-750 штук и в 1942г. - 3000 танков.
7. Привлечь к производству танков Т-34 и авиамоторов М-17 заводы г.Горького и области: "Двигатель революции" НКМ, Выксунский завод "ДРО" НКСтанкостроения, Муромский паровозоремонтный завод НКПС, "Гудок Октября" НКМ, завод им.Свердлова НКМТП РСФСР и завод "Красный якорь" НКСП. т.Малышеву установить об'ем кооперации по производству танков и моторов по этим заводам.
8. Обязать Наркомстанкостроения - т.Ефремова отгрузить Горьковскому автозаводу для производства авиамоторов М-17 металлорежущих станков по спецификации Наркомсредмаша - в июле - 300 станков и в августе - 200 станков. Отгрузку произвести впереди всех других потребителей.

Так, например, было в последние дни 1941 г., когда завод «Красное Сормово» в г. Горький сорвал задание ГКО по производству танков Т-34, поскольку оказался полностью исчерпан запас радиаторов. Местное руководство УНКВД заявило, что виновником такого положения является Сормовский горотдел УНКВД, который был обязан информировать не за пять дней до полного использования запаса радиаторов, а гораздо раньше, чтобы через партийные и правительственные органы своевременно принять соответствующие меры. В пример другим поставили сотрудников Автозаводского горотдела: когда оказалась проваленной программа производства минометов на Горьковском автозаводе, нарком Л. П. Берия приказал закрепить на заводе «сколько угодно чекистов», но таких, которые бы смогли любым способом «вытащить» производственную программу. Указание наркома сотрудники отдела выполнили. В другом случае они предотвратили угрозу срыва производства легких танков Т-60 из-за неудовлетворительных поставок комплектующих деталей. Навстречу транспортным грузовикам горотдел направил легковые автомашины, на которые перегрузили часть дефицитных деталей и привезли на заводскую сборку. График производства танков был обеспечен, и до конца 1941 г. автозавод выпустил 1320 легких танков, сыгравших немалую роль в успехе контрнаступления Красной армии под Москвой.

В такой форме реализовывалась прямая обязанность органов государственной безопасности — контроль над производством и обеспечением важных оборонных заказов. Вместе с тем выполнение этих функций вело в определенной степени к подмене деятельности хозяйственных и административных подразделений экономических объектов. Начальник УНКВД по Челябинской области Булкин в одной из спецзаписок в местный обком ВКП(б) о причинах срыва Челябинским тракторным заводом выпуска танков отметил, что снабженцы забыли заказать на заводах-поставщиках ряд деталей, которых на складах числилось больше, чем оказалось в действительности, поскольку полностью отсутствовал контроль над наличием и хранением деталей на складах.

От органов госбезопасности требовалось немедленно реагировать на все так называемые «узкие места» в военной экономике, безотлагательно «обрушиваться всеми средствами» и добиваться скорейшего устранения помех, которые, как тогда зачастую считалось, умышленно направлены на срыв поставок фронту и создаются по заданию германских разведывательных органов. Так в формах борьбы с противником осуществлялись хозяйственно-организаторские функции, возложенные на органы государственной безопасности. Это не могло не дезориентировать оперативных работников в оценке ими действительных причин экономических проблем. В случае срыва производственной программы на каком-либо объекте экономики работа подразделения органа госбезопасности, осуществлявшего его агентурно-оперативное обслуживание, оценивалась, как правило, также неудовлетворительно. Это хорошо просматривается на примере обеспечения изготовления минометов. Согласно заданию ГКО, выпуск минометов во второй половине 1941 г. должен был резко возрасти. Эту задачу перед наркомом вооружения Д. Ф. Устиновым и конструктором Б. И. Шавыриным поставил лично И. В. Сталин, что само по себе говорило о ее важности. К производству минометного вооружения привлекли множество заводов, отдельные из них играли ключевую роль. К последним относился Первоуральский новотрубный завод в Свердловской области, который войной сделала главным поставщиком труб для производства танков, самолетов, реактивных снарядов, гранат и минометов. 17 ноября 1941 г. из Наркомата внутренних дел на имя начальника УНКВД по Свердловской области Борщевца ушла телеграмма за подписью Л. П. Берии, требовавшего устранить задержки поставок минометных труб с завода и направить для этого в г. Первоуральск ответственного работника УНКВД, которому вменить в обязанность организацию немедленной отгрузки готовой продукции. Кроме того, Л. П. Берия приказал обеспечить сопровождение оперативным работником УНКВД каждого эшелона или вагона с минометными трубами до места назначения. В случае задержки в пути сопровождающий должен был немедленно принимать решительные меры для быстрейшего продвижения груза, а после исполнения задания доложить об этом в Транспортное управление НКВД.

Работу всех заводов, находившихся в оперативном обслуживании, должны были взять под личный контроль начальники отделов управлений НКВД и нести ответственность за своевременное и решительное применение мер пресечения всех попыток срыва производства и отправки на фронт военной продукции. Информация о состоянии дел поступала в управления НКВД, оттуда — в партийные органы и центральный аппарат НКВД для соответствующего реагирования. На основании поступающей с мест информации и по материалам собственного контроля над деятельностью территориальных органов госбезопасности в Наркомате внутренних дел 28 ноября 1941 г. появился циркуляр, в котором нашли свое отражение существенные недостатки в работе по агентурно-оперативному обслуживанию оборонных предприятий и осуществлению работниками территориальных органов НКВД личного контроля над производством вооружения и выполнением заводами заданий ГКО и военных заказов. В документе констатировалось также, что многие заводы сорвали выпуск вооружения, особенно минометов и противотанковых пушек.

По мнению майора госбезопасности Ткаченко, подписавшего названный документ, к такому положению привело неудовлетворительное состояние агентурно-оперативной работы на оказавшихся в прорыве заводах, а также незнание оперативными работниками производства, отсутствие контроля над восстановлением эвакуированных предприятий и непринятие решительных мер к разоблачению и привлечению к ответственности саботажников. В циркуляре со ссылкой на указания Л. П. Берии предлагалось поставить на данный участок работы опытных оперативных работников, хорошо знающих промышленное производство конкретного объекта. От них требовалось через агентов и осведомителей и самим лично выявлять причины невыполнения планов выпуска военной продукции, немедленно устранять их на месте через партийные и хозяйственные органы, привлекая к уголовной ответственности лиц, срывающих работу, и саботажников. В случаях, если вскрытые причины устранить на месте не представлялось возможным, следовало немедленно ставить о них в известность Наркомат внутренних дел для своевременного принятия необходимых мер через соответствующие инстанции. И вновь внимание руководителей территориальных органов НКВД обращалось на необходимость повседневного контроля над выпуском военной продукции и восстановлением эвакуированных предприятий.

Сотрудникам органов госбезопасности приходилось заниматься, на первый взгляд, малозначительными производственными вопросами, не имеющими прямого отношения к обеспечению безопасности государства. Однако даже незначительные аварии и поломки оборудования порой настолько сбивали ритм производства, что ставили под угрозу срыва выполнение заданий ГКО. Подобная ситуация сложилась, например, летом 1942 г. на электростанции г. Балахны Горьковской области: вследствие мелких аварий из-за «распушенности и безответственности многих работников» участились случаи перебоев в подаче электроэнергии заводам, производящим вооружение, танки, боеприпасы и другие виды продукции для фронта. Для обеспечения нормальной работы этого важнейшего экономического объекта области пришлось принимать чрезвычайные меры с использованием возможностей Управления НКВД. Его руководитель В. С. Рясной приступил к делу со следующей оценкой работы Балахнинского горотдела НКВД: начальник отдела не осознал, что его главной задачей являлось обеспечение бесперебойной работы электростанции и беспощадное «выкорчевывание» враждебных элементов, поэтому внимание агентурно-оперативному обслуживанию станции уделялось незначительное, агентурных разработок не было. На основании этого следовал вывод, что такая работа не гарантирует от возможного совершения диверсионных актов. Порядок на электростанции начали наводить под видом борьбы с враждебными элементами, и в целях создания условий, исключающих возможность их пребывания на объекте и гарантирующих бесперебойную работу станции, начальник УНКВД приказал немедленно установить там постоянное дежурство сотрудников УНКВД в две смены по 12 часов. Задачи, права и обязанности этих представителей органов государственной безопасности на электростанции были определены следующие:

— непрерывно наблюдать за работой агрегатов, производственных участков и звеньев управления;

— обо всех отклонениях в работе немедленно ставить в известность администрацию станции, требуя срочного принятия необходимых мер;

— в случаях, когда должностные лица проявят медлительность и саботаж «в деле предотвращения» назревающих аварий и перебоев в работе станции, немедленно ставить в известность начальника УНКВД или лично принимать меры к предотвращению угрозы перебоев в работе станции;

— выявлять лиц, «подозрительных по диверсии, шпионажу, саботажу», и «ставить вопрос» о их немедленном аресте;

— осуществлять формирование и руководство работой противодиверсионной осведомительной сети;

— контролировать и всемерно улучшать охрану станции, обеспечивая невозможность проникновения на нее посторонних;

— ежедневно докладывать в УНКВД о работе электростанции и оказывать всемерную помощь местному горотделу НКВД в разработке лиц, имеющих отношение к объекту;

— для ликвидации угрозы срыва работ станции получать необходимое количество заключенных в колонии № 7 УИТЛК НКВД, начальник которой был обязан беспрекословно выполнять распоряжения ответственного дежурного УНКВД по этому вопросу.

Полномочия ответственного дежурного УНКВД, который подчинялся непосредственно начальнику территориального органа государственной безопасности, показывают, что, несмотря на попытки придать деятельности дежурного контрразведывательный характер, в действительности это была реализация методов внеэкономического принуждения в преодолении хозяйственных проблем. Функции сотрудников госбезопасности сводились к обеспечению надежного государственного контроля над производством электроэнергии.

В наиболее напряженные месяцы 1941 и 1942 г. органам госбезопасности приходилось подключаться и к преодолению узковедомственных интересов, которые порой проявлялись даже на уровне отдельных предприятий. Особенно это было актуально в период эвакуации и восстановления промышленных предприятий, когда рвались производственные связи и для выполнения плана использовалась любая удобная возможность заполучить сырье, материалы, топливо и прочее, не задумываясь об ущербе общему делу. Чем больше имел полномочий тот или иной представитель какого-либо наркомата, тем решительнее он действовал в интересах своего ведомства, нередко в ущерб другим. Когда эти противоречия обострялись, приходилось вмешиваться органам государственной безопасности.

В феврале 1942 г. директор Кировского завода в Челябинске И. М. Зальцман, который одновременно являлся заместителем наркома танковой промышленности, прибыл в Нижний Тагил, где сдерживался выпуск танков Т-34. Произведя значительную перестановку кадров на местном заводе, он отправился в Свердловск и подробно выяснил, какие эшелоны с эвакуированными заводами стоят на железнодорожных путях и какое в них оборудование. Несколько вагонов с нужными станками Зальцман немедленно отправил в Нижний Тагил, а на заводе № 183 закрыл производство передков для 76-мм пушек, поставляемых Наркомату вооружения.

Своеобразной реакцией на поведение И. М. Зальцмана в Свердловской области стала проверка использования станков и оборудования на возглавляемом им Кировской заводе, проведенная силами УНКВД по Челябинской области при непосредственном участии группы ЭКУ НКВД под руководством начальника 3-го отдела Экономического управления НКВД Борисковского. В результате проверки появилось спецсообщение в обком ВКП(б) от 2 апреля 1942 г., где утверждалось, что на заводе значительная часть станков простаивает или используется не на полную мощность, приведены примеры того, как в одном цехе из 900 исправных станков 300–350 штук ежедневно простаивали, а в другом стояла без работы пятая часть станков. Представленная в обком партии информация содержала предложение изъять с Кировского завода избыточное оборудование и «перебросить» его

нуждающимся заводам. Для принятия мер по улучшению использования оборудования на Кировском заводе было решено создать экспертную комиссию.

Подобное комплексное изучение состояния дел на заводах оборонных отраслей промышленности органы государственной безопасности в 1942 г. практиковали довольно широко, при этом разрабатывался план выяснения через агентов и осведомителей всех возможных причин, нарушающих нормальную работу объекта. После подбора соответствующей агентуры следовала тщательная разработка задания каждому агенту и осведомителю, чтобы получать от них подробную информацию по интересующим органы госбезопасности вопросам. Это позволяло принимать эффективные меры для улучшения дел по выпуску оборонной продукции.

Признавая реальные возможности Л. П. Берии, непосредственно к нему как к заместителю Председателя СНК СССР нередко обращались со своими нуждами директора заводов различных наркоматов. Например, в начале 1943 г. директора Горьковского автозавода Лоскутов, авиационного завода № 21 Агуреев и исполняющий обязанности директора артиллерийского завода № 92 Олевский сообщили, что директору химического завода № 96 из Наркомата химической промышленности дано указание передать часть бутан-бутиленовой фракции для переработки на авиационное горючее. Бутан-бутиленовая фракция использовалась автомобильным транспортом и некоторыми производственными участками местных заводов, потребность которых полностью не удовлетворялась. При оставлении в силе распоряжения Наркомата химической промышленности создавалась угроза срыва нормальной работы особо важных заводов, о чем Л. П. Берия ставился в известность.

Нередко случалось, что в ходе изучения производственной деятельности того или иного предприятия оперативные работники вскрывали факты различного рода приписок и очковтирательства, прибегая к которым, администрация создавала видимость бесперебойной работы производственных цехов, благополучного выполнения плана. Порой подобные действия допускались с молчаливого согласия руководителей наркоматов и военпредов. Наиболее распространены были факты завышения данных о количестве изготовленных изделий, «чтобы скрыть развал работы и позорные итоги». Практиковалось также «искусственное выполнение» производственной программы в стоимостном выражении за счет заведомо более дорогой продукции. Некоторые начальники производства, располагая приятельскими связями в своих наркоматах, добивались корректировки планов в сторону их уменьшения, нередко это делалось необоснованно, сопровождалось ущемлением интересов родственных предприятий, формировало нездоровую конкуренцию.

С учетом ущерба, которой нанесли обороноспособности страны подобного рода проявления, органы государственной безопасности немало сделали для снижения негативных последствий хозяйственных и должностных преступлений. Информация о преступных злоупотреблениях служила основанием для заведения уголовных дел, но чаще всего она в форме спецсообщений поступала в партийные органы для соответствующего реагирования. Некоторое представление о содержании спецсообщений в партийные органы дает информация УНКВД по Челябинской области от 3 октября 1942 г., подписанная начальником управления Дроздецким: «Сентябрьская программа по выпуску танков КВ-1с и Т-34 Кировским заводом не выполнена. На 13 часов 1 октября с. г. прошли пробег (заводской и военпредовский) 105 машин Т-34 и 156 машин КВ-1с. Из них опломбировано военпредом: Т-34 — 97, КВ-1с — 147 вместо 300 Т-34 и 180 КВ-1с по сталинскому заданию. 2 октября с. г. директор завода Манохин С. Н. приказал начальнику ОТК завода Купчину Н. Г. оформить в счет сентябрьской программы 220 машин Т-34 и 180 машин КВ-1с, о чем доводим до вашего сведения».

Подобные проявления приобрели настолько широкий размах, что полностью искоренить их не удалось: очковтирательство, приписки и преступные махинации фиксировались органами государственной безопасности не только в кризисных 1941—1942 гг., но и в относительно благополучном для работы промышленности 1943 г. Так, в спецсообщении в ОК ВКП(б) из УНКВД по Куйбышевской области от 14 января 1943 г. «О намечающемся срыве январского графика завода № 24 НКАП по выпуску моторов АМ-38 и антигосударственной практике директора завода Жезлова» говорится: «Руководство завода № 24 в лице

директора Жезлова, главного инженера Куинджи, начальника производства Чернышова и главного диспетчера Минасбекова обманывают правительство и партийные органы путем дачи неверных производственных показателей... Руководство завода совместно со старшим военным представителем Кочетковым договорились и выписали фиктивные документы, датированные декабром, на все несданные моторы. Таким образом, на 5 января 1943 г. завод не приступил еще к выполнению январской программы, а занимался доукомплектовкой и выпуском моторов декабрьского плана 1942 г.»

Недостатки и злоупотребления в снабжении населения промышленными и продовольственными товарами также наносили определенный ущерб тылу, так как приводили к социальной напряженности и антиправительственным настроениям. Вопрос оказался настолько серьезным, что в областных и городских комитетах партии были созданы отделы торговли и общественного питания во главе с секретарями соответствующих партийных комитетов. Но должным образом развернуть борьбу с хищениями и спекуляцией не удавалось, и в немалой степени это зависело от позиции органов власти на местах. Как отмечалось на бюро Свердловского областного комитета ВКП(б), райкомы и горком партии самоустранились и передоверили заботу о трудящихся работникам торговли и общественного питания. В итоге — «излишняя нервозность» среди населения. По аналогичному поводу образно выразился секретарь Удмуртского ОК ВКП(б) Чекинов, заявив, что за время войны возле продуктов развелось очень много «жуков» и прочих вредных «насекомых», которые ничего не стеснялись и никого не боялись, обнаглели настолько, что тащили не только для себя, но и снабжали продуктами своих знакомых. В конце концов, к наведению порядка в «товаропроводящей сети» подключили органы государственной безопасности.

20 апреля 1942 г. Л. П. Берия подписал приказ, которым возложил на ЭКУ НКВД и соответствующие подразделения территориальных органов госбезопасности оперативно-чекистское обслуживание объектов Наркомата торговли, Центрсоюза, Всекопромсовета. Требовалось создать агентурно-осведомительную сеть, через которую выявлять антисоветский и иной преступный элемент и вести его разработку, вскрывать факты вредительства, антигосударственной практики планирования, организованного хищения, злоупотреблений с продовольственными карточками и других действий, направленных на срыв снабжения населения продовольственными и промышленными товарами. Кроме того, созданные за счет штатов ЭКО в территориальных управлениях НКВД оперативные группы должны были собирать информацию для партийных и советских органов о недостатках в снабжении населения продуктами и промышленными товарами.

Полностью доверить такую работу самим сотрудникам партийных и советских аппаратов, видимо, было невозможно: попытки навести в торговле порядок наталкивались на сопротивление отдельных представителей этих аппаратов. Круговая порука среди них действовала порой настолько мощно, что существенно снижала эффективность усилий органов государственной безопасности повлиять на обстановку в интересах трудящихся. Среди архивных источников эту тему наиболее детально раскрывают материалы привлечения к уголовной ответственности в начале 1942 г. в Челябинской области управляющего Кыштымского медь-продснаба Черемных, директора Кыштымского пищевого Ушакова и начальника цеха этого же предприятия Бахарева, которые занимались хищениями продуктов, имели на дому значительные их запасы и спекулировали ими.

В ходе предварительного следствия работники райотдела госбезопасности установили, что названные лица систематически транжирили фонды нормированных продуктов, снижая вследствие этого нормы снабжения заводских столовых. По спискам, составленным секретарем районного комитета ВКП(б) Захаровым и председателем райисполкома Трошковым, из медьпродснаба отпускаясь фондируемые товары в «неограниченном количестве» директорам и главным инженерам электролитного и механического заводов, третьему секретарю райкома партии и другим лицам, включая самих составителей списков. После того как об их соучастии в хищениях обвиняемые стали давать показания, началось давление вначале на начальника районного отдела УНКВД Минеева и районного прокурора Иконникова, а

затем на народного судью Гусеву и помощника областного прокурора Филатову. Секретарь районного комитета ВКП(б) Захаров требовал сохранить его авторитет как партийного работника, был встревожен, что на суде получит огласку информация о функционировании магазина-распределителя, разрешение на открытие которого дал лично секретарь обкома, заведующий отделом торговли и общественного питания Кузьмин. Начальнику районного отдела УНКВД партийный руководитель неоднократно внушал: всех снабжать одинаково нельзя, а ответственные работники не должны ощущать никаких лишений в продовольственном снабжении. Когда предложенный секретарем райкома партии сценарий судебного заседания был отвергнут ввиду явной заинтересованности его автора, Минеев и Филатова услышали грубые окрики Захарова: «Не копайтесь в моей подноготной, не заглядывайте мне в рот, что я съел. Это вас не касается. Вы закрыли магазин, а мы его откроем».

Стараниями районных руководителей местный суд вынес обвиняемым неожиданно мягкие приговоры. Максимальная мера наказания была определена судом только для Черемных — три года лишения свободы. В день оглашения приговора Захаров сдержал свое обещание: состоялось открытие нового магазина, через который снабжались те же самые районные руководители, как и прежде без соблюдения норм. Потребовалось официальное обращение начальника УНКВД по Челябинской области Булкина к секретарю обкома партии Н. С. Патоличеву, чтобы судебное решение было пересмотрено: уголовное наказание обвиняемым увеличили до 10 лет лишения свободы, но в обвинительном заключении по-прежнему не было сказано ни слова о тех должностных лицах, чьи имена фигурировали в материалах дела. Фонды рабочего снабжения продолжали расхищаться, только под вывеской другого магазина. Законность в полном объеме соблюдена не была. Неслучайно именно в Кыштыме одновременно с должностными злоупотреблениями было зафиксировано распространение анонимных листовок, содержание которых квалифицировалось как контрреволюционное.

Исполнение хозяйственно-организаторских функций, возложенных на органы государственной безопасности, оперработниками и начальниками подразделений поначалу воспринималось неоднозначно. Одни считали, что вследствие этого агентурно-оперативная деятельность превращалась в оперативно-хозяйственную, извращалась сущность оперативного обслуживания особо важных объектов, смыкаясь с исполнением обязанностей снабженцев-толкачей и государственных контролеров. Со временем они пришли к убеждению, что непосредственно занимаясь промышленным производством, устраняя причины, препятствующие успешной работе тружеников тыла, органы государственной безопасности тем самым решают также сложную задачу обеспечения обороноспособности страны. Вместе с тем материалы проверок агентурно-оперативной деятельности органов госбезопасности показывают, что возложение на них хозяйственно-организаторских функций отвлекало оперативный состав от исполнения своих прямых обязанностей, связанных с организацией и проведением контрразведывательных мероприятий, то есть наносило ущерб борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью противника.

В дополнение к этому можно сказать следующее. Особенности административно-командной системы управления предполагали активное использование органов государственной безопасности в решении задач экономического характера. Хозяйственно-организаторские функции были возложены на оперативные подразделения органов госбезопасности с учетом предвоенного опыта. В ряде случаев вследствие неспособности государственно-партийных структур результативно выполнять свои задачи органы госбезопасности вынужденно их подменяли, так как оказались для этого более приспособлены: обостренное чувство ответственности сотрудников, наличие разветвленной агентурно-осведомительной сети, позволявшей своевременно вскрывать недостатки и оперативно на них реагировать, дисциплинированность личного состава, тесное взаимодействие между собой и органами власти и другие факторы ставили органы государственной безопасности на ключевую позицию. В глубоком тылу СССР они были практически единственной реальной силой, которая репрессивными методами могла в какой-то степени компенсировать недостатки в производстве и транспортировке военной продукции, способствовать преодолению межведомственных противоречий и несогласованностей.

Борьба с контрреволюционными и иными преступлениями, наносившими ущерб экономической безопасности

В годы Великой Отечественной войны территориальные органы государственной безопасности вели борьбу с контрреволюционными и иными преступлениями, нарушавшими бесперебойную работу объектов военной экономики и наносившими ущерб экономической безопасности СССР в целом. Понятие контрреволюционного преступления, которым руководствовались в правоприменительной практике военного времени, было сформулировано в «Положении о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка и управления)», принятом постановлением ЦИК СССР 25 февраля 1927 г. Согласно этому документу, контрреволюционным признавалось всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов и избранных ими рабоче-крестьянских правительств СССР, союзных и автономных республик либо к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции. Подчеркивалось, что такие же действия признаются контрреволюционными и в том случае, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в состав СССР. Данное понятие контрреволюционного преступления вошло в содержание статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующих статей УК союзных республик.

По конкретным составам преступлений статья 58 УК РСФСР, действовавшая в годы Великой Отечественной войны, имела следующую структуру: статья 58-1а — измена Родине; статья 58-1б — измена Родине, совершенная военнослужащими; статья 58-1в — ответственность совершеннолетних членов семьи военнослужащего; статья 58-1г — недонесение об измене Родине; статья 58-2 — вооруженное восстание; статья 58-3 — сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством; статья 58-4 — оказание помощи международной буржуазии; статья 58-5 — склонение к объявлению войны, вооруженному вмешательству или иным неприязненным действиям; статья 58-6 — шпионаж; статья 58-7 — вредительство; статья 58-8 — террористический акт; статья 58-9 — диверсия; статья 58-10 — контрреволюционная пропаганда и агитация; статья 58-11 — участие в контрреволюционной организации; статья 58-12 — недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении; статья 58-13 — активная борьба против рабочего класса и революционного движения; статья 58-14 — саботаж.

Общее понятие преступлений против порядка управления содержалось в статье 59-1 УК РСФСР и соответствующих статьях УК союзных республик. Так, преступлением против порядка управления признавалось всякое действие, которое, не будучи направлено непосредственно к свержению советской власти, тем не менее приводило к нарушению правильной деятельности органов управления или народного хозяйства и сопрягалось с сопротивлением органам власти и воспрепятствованием их деятельности, неповиновением законам или с иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти. Особо опасным преступлением против порядка управления признавалось деяние, хотя и совершенное без контрреволюционных целей, но последствия которого могли поколебать основы государственного управления и хозяйственной мощи СССР и союзных республик. К таким преступлениям, например, относились массовые беспорядки (статья 59-2), бандитизм (статья 59-3), повреждение путей сообщения (статья 59-3б), отказ и уклонение в условиях военного времени от выполнения повинностей (статья 59-6), возбуждение национальной вражды и розни (статья 59-7), контрабанда (статья 59-9) и другие.

В первый же день войны директивой от 22 июня 1941 г. нарком госбезопасности В. Н. Меркулов потребовал нацелить агентурно-осведомительную сеть на своевременное вскрытие и предупреждение возможных вредительско-диверсионных актов на объектах

народного хозяйства. Наряду с изъятием разрабатываемого «контрреволюционного и шпионского элемента» необходимо было оперативными мерами немедленно пресекать любые попытки государственных преступлений: шпионажа, террора, диверсий, восстаний, бандитизма, забастовок и саботажа.

Директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. руководство Советского Союза потребовало энергичных мер на местах по всесторонней помощи действующей армии. С августа 1941 г. деятельность многих городских и районных подразделений и вновь созданных экономических отделов территориальных органов НКВД была подчинена важнейшей задаче — обеспечению военной перестройки народного хозяйства. Согласно директиве НКВД от 8 августа 1941 г. «Об организации работы экономических отделов НКВД — УНКВД по оперативно-чекистскому обслуживанию предприятий оборонной промышленности» требовалось решительно пресекать малейшие попытки вредительства, диверсии и саботажа. Находившиеся в оперативном обслуживании территориальных органов госбезопасности объекты промышленности должны были работать без перебоев и обеспечивать стремительно возросшие потребности фронта в военной продукции.

Анализируя правоприменительную практику военного времени, следует учитывать, что по объекту и объективной стороне некоторые хозяйственные преступления: выпуск недоброкачественной продукции, нарушение технологической дисциплины, бесхозяйственность, срыв договорных поставок и другие, входили в систему преступлений против обороны Советского Союза. Так, почти за год до начала войны, 10 июля 1940 г., был издан указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями приравнивались к вредительству. Аналогично обстояло дело с должностными преступлениями и преступлениями в области трудовых отношений. Самовольный уход рабочих и служащих с предприятий военной промышленности указом от 26 декабря 1941 г. как преступление приравнивался к дезертирству, которое каралось тюремным заключением сроком от пяти до восьми лет. Прогулы, отказ от перехода на другую работу в связи с сокращением штатов, уклонение от трудовой мобилизации и повинностей и прочее были отнесены к той же системе преступлений, за которое усиливалась уголовная ответственность.

Указанные выше факторы, схожесть объекта и объективной стороны названных видов преступлений с контрреволюционными преступлениями отчасти объясняют случаи сравнительно легкого перехода при квалификации юридических фактов к статьям УК РСФСР о диверсии, вредительстве и саботаже. Характерным в этом отношении является определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 28 октября 1942 г. по делу электрослесаря одной из угольных шахт Чванина, который более месяца по поддельному больничному листу не выходил на работу. Было принято во внимание, что укрепление трудовой дисциплины и повышение производительности труда на предприятиях угольной промышленности в условиях военного времени имели особое значение и всякий ущерб являлся ощутимым, поэтому содеянное рабочим квалифицировалось как саботаж. Этим примером подчеркивалось, что речь шла об умышленных действиях, заведомо для виновного ведущих к подрыву производства, хотя и без «прямой контрреволюционной цели». Следует отметить, что в период войны факты членовредительства и незаконного получения больничных листов распространились настолько, что стали предметом обсуждения на заседаниях бюро и пленумах обкомов ВКП(б). Партийные органы обязывали прокуроров и судей активизировать борьбу с «позорным явлением», энергично проводя следствие и не допуская мягких приговоров. К этой борьбе подключали и органы государственной безопасности⁷⁷.

Под обвинение в контрреволюционном саботаже нередко попадали те начальники производства, которые, получив дополнительные задания по выпуску военной продукции, не бросали сразу все силы на их выполнение, не переводили рабочих на казарменное положение, а вместо этого старались избежать произвольно завышенных плановых заданий, не обеспеченных сырьем, материалами, без достаточного количества рабочих соответствующей

квалификации и необходимого оборудования. Если руководители заводов пытались опереться на инженерные расчеты и обосновать перед вышестоящими инстанциями нереальность спущенных сверху производственных планов, то вероятность быть репрессированным значительно возрастала. Архивные материалы отражают далеко не единичные факты, когда партийные органы в лице членов бюро обкомов ВКП(б) на своих заседаниях квалифицировали невыполнение производственного задания в срок как государственное преступление и передавали «виновных» в саботаже в органы безопасности по сути лишь для того, чтобы там оформили уголовное наказание. Если в результате подобного вмешательства производительность труда возрастала, это побуждало партийно-государственные органы шире использовать карательные методы для решения производственных задач.

Сходная картина вырисовывается и по материалам, отражающим борьбу органов государственной безопасности с вредительством на объектах экономики. Отсутствие разоблаченных диверсантов, вредителей, саботажников считалось серьезным недостатком в работе подразделений НКВД, поэтому установки выявлять эти контрреволюционные преступления следовали систематически. Более того, прямо говорилось, что начальники городских и районных аппаратов НКВД увлекаются выявлением антисоветских высказываний и их документированием в то время как контрреволюционно настроенный человек не ограничивает свою деятельность разговорами, агитацией, а вместе с тем вредит, саботирует, готовит диверсионные и террористические акты, занимается шпионажем. Считалось, что человек, высказывающий недовольство властями, не может честно работать на советскую власть, и у него обязательно должны быть преступные связи. Оперработник в каждом зафиксированном случае антисоветских высказываний был обязан искать «направляющую руку» немецкой разведки. Ту же «руку» искали и в ходе расследований многочисленных аварий и выхода из строя промышленного оборудования, из-за которых лихорадило производство.

Например, не могла идти речь о нормальной работе такого завода, как «Красное Сорново», выпускавшего танки Т-34, если даже в сравнительно благополучном по аварийности 1943 г. произошло 477 аварий, и оборудование в связи с этим простояло 14 203 часа. По официальному мнению директора завода Рубинчика, неправильная эксплуатация и небрежность привели к поломкам и авариям в 70% случаях. Однако обращает на себя внимание, что только пять «аварийщиков и станколомателей» были отданы под суд. Этим косвенно признавалось иное соотношение истинных причин высокой аварийности на заводе, в том числе значительная изношенность оборудования: половина станочного парка находилась в эксплуатации с времен Первой мировой войны, а прессовое оборудование — с 1880-х гг.

Однако, безусловно, поступали объективные данные и о прямом умысле. Установления такого факта было в то время достаточно, чтобы возбудить уголовное дело и привлечь злоумышленника по статье 58-7 УК РСФСР за вредительство. Состав контрреволюционного преступления считался доказанным, если удавалось установить (или получить признание), что обвиняемый желал или сознательно допускал ослабление экономической мощи СССР. Факты умышленного вывода из строя станочного оборудования отмечал в циркуляре № 89 от 4 марта 1943 г. и заместитель наркома внутренних дел Б. З. Кобулов. Так, в одном из спецсообщений в Челябинский обком партии начальник местного УНКВД Булкин довел до сведения первого секретаря, что на заводе № 13 Наркомата вооружения при монтаже турбогенератора обнаружены неправильно поставленная прокладка, а также посторонние предметы: гайка в турбине, кусок медной проволоки и металлическая пластина в генераторе. Руководство УНКВД квалифицировало перечисленные факты как попытки путем порчи оборудования помешать нормальной работе завода. Наличие на нем вредителей объяснялось большой засоренностью промышленного объекта антисоветским элементом.

Среди архивных материалов о выпуске недоброкачественной военной продукции имеются многочисленные документы, говорящие о том, что распространенным явлением в те годы стало умышленное сокрытие производственного брака, так как выполнение производственной программы по количеству отодвигало на второй план качество работы. Ответственности за срыв ежедневного графика выпуска военной продукции начальники производства

боялись гораздо больше и всеми мерами, нередко преступая закон, стремились выполнить задания ГКО. Чтобы сокрытие брака прошло успешно, в ряде случаев вступали в сговор между собой руководители предприятий и путем административного давления определяли позицию начальников отделов технического контроля и подчиненных им контролеров, не останавливаясь порой перед тем, чтобы избавиться от несговорчивых лиц, лишив брони и отправив их на фронт. Реализация принципа «любой ценой выполнить производственную программу» объективно вела к серьезным злоупотреблениям и преступлениям, в которые втягивали даже представителей военной приемки.

Например, Управлением НКВД по Куйбышевской области весной 1942 г. была предотвращена отправка на Юго-Западный фронт 24 тыс. негодных артиллерийских 76-мм снарядов со склада г. Сызрань. Выяснилось, что бракованная продукция поступила с завода № 15 Наркомата боеприпасов. После предварительного разбирательства этот вопрос обсуждался обкомом ВКП(б), после чего директор завода Щекотихин и военпред Митряков были отданы под суд, парторг ЦК ВКП(б) Савальский снят с работы, секретарь горкома партии получил выговор. При обсуждении этого случая на пленуме ОК ВКП(б) отмечалось, что нарушения технологии стали обычным явлением и на авиационных заводах № 1, 18, 24: «Пришлось переделать очень многое уже на аэродромах для того, чтобы исправить брак и дать гарантированное качество»⁷⁸. Но делалось это уже после отчета о выполнении плана в количественных показателях.

С учетом создавшегося положения территориальные органы госбезопасности сосредоточили внимание на предотвращении производственного брака. Сотрудникам ставилась задача активно разрабатывать выявленных бракоделов, которые, как предполагалось, пользуясь моментом, могут под видом технологического брака вести вредительскую работу. Со второго квартала 1942 г. территориальные органы госбезопасности вплотную занялись выявлением и предупреждением фактов отправки на фронт бракованной продукции. Так, на заводе № 92 Наркомата вооружения, где главным конструктором являлся В. Г. Грабин, уже в апреле 1942 г. были арестованы начальник ОТК Пономарев и ряд других работников этого же отдела. Поводом для вмешательства органов госбезопасности послужило неудачное испытание на заводском полигоне новой пушки УСВ, в связи с чем задерживалось принятие ее на вооружение и ухудшались производственные показатели завода. Заводская комиссия попыталась вину за происшествие возложить на работников артополигона, которые, по ее мнению, совершили диверсионный акт, однако на проверка показала, что большинство изготовленных на заводе пушек имели дефекты, пропущенные аппаратом ОТК. В ходе следствия были использованы также рекламации, поступившие на артиллерийские системы из действующей армии или с танкостроительных заводов. Эти материалы послужили основанием для следственной обработки начальника ОТК Пономарева (впоследствии реабилитированного), который сознался, что умышленно пропускал на фронт пушки с дефектами для того, чтобы ослабить мощь Красной армии. В большинстве аналогичных ситуаций к уголовной ответственности привлекали работников отделов технического контроля. Другие же лица, заинтересованные в выполнении производственной программы любой ценой, по материалам расследований не проходили даже косвенно.

Качество продукции зависело от наличия определенного технологией сырья, материалов и комплектующих изделий. В годы войны их острый дефицит заставлял производителей искать выход, опираясь зачастую лишь на собственные возможности. Конструкторы и технологи проделали огромную работу по упрощению технологии изготовления боевой техники и вооружения, искали и находили заменители остродефицитных легированных сталей и других материалов и компонентов, переходили на более продуктивные методы производства деталей и сборки изделий, стремились по возможности избавиться в конструкции от всего, что не могло существенно снизить боевые тактико-технические качества военной продукции. Все эти меры руководством страны приветствовались, их авторы и исполнители получали правительственные награды и другие поощрения. Однако отношение к таким рационализаторам резко менялось, если вынужденное упрощение или изменение технологии оборачивалось

вдруг массовым браком, который вскрывался во фронтовых условиях, и тогда подключались органы госбезопасности.

Так, в апреле 1942 г. вскрылось, что принятые фронтом с завода № 112 танки Т-34 непригодны к эксплуатации в бою из-за появившихся трещин в броне башен и других дефектов. В связи с этим нарком танковой промышленности В. А. Малышев издал приказ, которым констатировал грубые нарушения технологии на заводе и слабый контроль над качеством деталей, поступающих на завод. Ряд должностных лиц был предупрежден, получил выговоры, уволен с работы. В отношении главного металлурга завода Данилевского приказ гласил: «За самовольное изменение марок сталей для танков, что привело к ухудшению качества танков, с работы снять, с завода уволить и дело передать прокурору для привлечения к судебной ответственности»⁷⁹. Данилевский и его заместитель Мошанский Управлением НКВД по Горьковской области были арестованы и обвинены в подрыве государственной промышленности в контрреволюционных целях (статья 58-7 УК РСФСР).

После агентурно-следственных мероприятий начальник отделения ЭКО УНКВД Гузик пришел к убеждению, что замена марок сталей, упрощение режимов обработки заготовок, изменение технологии термической обработки башен танков преднамеренно направлялось на ухудшение качества боевой техники, а внешне маскировалось стремлением увеличить выпуск продукции для фронта. Оба обвиняемых во вредительской деятельности признались. Данилевского приговорили к расстрелу, Мошанский был наказан пятнадцатью годами лишения свободы. Результаты следствия и мера наказания были одобрены секретарем обкома ВКП(б) М. И. Родионовым, который информировал об этом городской партийный актив. Это один из фактов реализации на практике руководящей установки рассматривать подобные материалы «под углом зрения» вероятных контрреволюционных преступлений. Такой механизм функционирования государственно-партийного управления неизбежно приводил к нарушениям законности и привлечению к уголовной ответственности лиц, которые контрреволюционных преступлений в действительности не совершали.

Материалы о привлечении к уголовной ответственности за диверсию, вредительство и саботаж в годы войны — с учетом проведенной работы по реабилитации жертв необоснованных репрессий — показывают, что борьба с этими контрреволюционными преступлениями являлась главным образом формой привлечения правоприменительных органов к реализации мер по наращиванию интенсивности и производительности труда в целях максимального увеличения количества и повышения качества выпускаемой продукции для обеспечения жизненно важных потребностей Красной армии и экономической безопасности страны в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 16. Л. 7–16; Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 98. Л. 60–61; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 55–57.

² ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 98. Л. 9.

³ Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 223. Л. 30–31; Д. 224. Л. 24.

⁴ Там же. Д. 202. Л. 226–228.

⁵ Там же. Д. 203. Л. 17; Д. 223. Л. 34, 54; Д. 224. Л. 9, 23, 73, 124, 175, 223; Д. 228. Л. 89–90.

⁶ Там же. Д. 225. Л. 98–99.

⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Там же. Т. 5. Кн. 2. С. 383.

⁸ Там же. С. 384.

⁹ Там же. С. 357–358.

¹⁰ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 489–493.

¹¹ Там же. Т. 5. Кн. 2. С. 383–396.

¹² Там же. Т. 5. Кн. 1. С. 255–256.

¹³ Там же. Т. 4. Кн. 1. С. 211–212.

¹⁴ Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 137.

¹⁵ Там же. С. 178–179.

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 140. Л. 27–28; Д. 11. Л. 37; Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992. С. 121–122, 309–310; Российский государственный архив экономики (далее — РГАСЭ). Ф. 8752. Оп. 1. Д. 71. Л. 225–229; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1631. Л. 45.

¹⁷ Скрытая правда войны: 1941 год. С. 121–122.

¹⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 140. Л. 25; Оп. 9. Д. 119. Л. 5.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1631. Л. 45, 47, 49, 59.

²⁰ Там же. Д. 3106. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 4–10, 12–22, 24–31.

²² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 11. Л. 113–114.

²³ Там же. Д. 240. Л. 42–46.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1805. Л. 93.

²⁵ РГАСЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 591. Л. 7–8, 11, 50–51.

²⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 863. Л. 145, 229.

²⁷ Там же. Д. 61. Л. 105.

²⁸ Там же. Д. 837. Л. 15–16, 20; Д. 863. Л. 36–37, 90.

²⁹ Там же. Д. 62. Л. 3.

³⁰ Там же. Д. 837. Л. 8; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2406. Л. 246.

³¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 863. Л. 29.

³² *Куманев Г. А.* Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941–1945. М., 1988. С. 75.

³³ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 863. Л. 96; Д. 943. Л. 49–50.

³⁴ Там же. Д. 837. Л. 9–10.

³⁵ Там же. Л. 4.

- ³⁶ Там же. Д. 61. Л. 105.
- ³⁷ Там же. Д. 837. Л. 48–49.
- ³⁸ Там же. Д. 943. Л. 150.
- ³⁹ Там же. Л. 64.
- ⁴⁰ *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг // Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 56–57.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1772. Л. 146.
- ⁴² Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 92, 106–112, 116–119, 122–123.
- ⁴³ Из воспоминаний наркома авиационной промышленности А. И. Шахурина // Москва военная. 1941–1945. С. 111.
- ⁴⁴ Там же. С. 111–112.
- ⁴⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 7. Л. 4; Москва военная. 1941–1945. С. 116–117.
- ⁴⁶ Москва военная. 1941–1945. С. 92.
- ⁴⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 122–123.
- ⁴⁸ Там же. С. 164.
- ⁴⁹ См., например: К вопросу о «тактике выжженной земли» // Скрытая правда войны: 1941 год. С. 207–217.
- ⁵⁰ Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 206–208.
- ⁵¹ *Шишло А.* Секретный архив раскрывает сенсации // Независимая газета. 1998. 3 июля.
- ⁵² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 461–464.
- ⁵³ О проведении спецмероприятий в Сталинской области Украинской ССР см.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 61. Л. 246–248; Д. 943. Л. 27–39.
- ⁵⁴ Там же. Д. 61. Л. 246–248.
- ⁵⁵ О ходе эвакуации и вывода из строя промышленных предприятий Ворошиловградской области. ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 943. Л. 52–65, 97–141.
- ⁵⁶ См.: Скрытая правда войны: 1941 г. С. 121–122.
- ⁵⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 141. Л. 106.
- ⁵⁸ Там же. Л. 105.
- ⁵⁹ Там же. Л. 104.
- ⁶⁰ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 87.
- ⁶¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 140. Л. 43–44.
- ⁶² Там же. Л. 165–166.
- ⁶³ Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 68–70, 380–382.
- ⁶⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 210–211.
- ⁶⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 236. Л. 62.
- ⁶⁶ Там же. Д. 943. Л. 189–190.
- ⁶⁷ Там же. Л. 191–192.
- ⁶⁸ Там же. Д. 62. Л. 474.
- ⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1725. Л. 117; Оп. 43. Д. 1208. Л. 46.
- ⁷⁰ РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 563. Л. 47.
- ⁷¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2277. Л. 179; Д. 2319. Л. 239; Оп. 43. Д. 2397. Л. 78.
- ⁷² Там же. Д. 2319. Л. 91.
- ⁷³ Там же. Д. 497. Л. 138.
- ⁷⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1050. Л. 40.
- ⁷⁵ *Гуркин В. В., Гуров О. Г.* Цена агрессии // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 38–40.
- ⁷⁶ Государственный архив Челябинской области. Ф. 291. Оп. 2. Д. 307. Л. 94.
- ⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1048. Л. 59; Д. 1771. Л. 65; Д. 1056. Л. 20.
- ⁷⁸ Там же. Д. 1049. Д. 15.
- ⁷⁹ Российский государственный архив экономики. Ф. 8752. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.